

Колдовские Миры

ЛЮБОВЬ И МАГИЯ

Елена Звездная
Анна Гаврилова • Кира Стрельникова
Карина Пьянкова

**Елена Звёздная
Сергей Жоголь
Кира Стрельникова
Марина Ясинская
Анна Сергеевна Гаврилова
Анна Свилет
Наталья Маркелова
Полина Ветрова
Андрей Щепетов
Юлия Данцева
Кира Калинина
Лина Гордышевская
Дмитрий Козлов
Лилия Касмасова
Карина Пьянкова
С. Грушко
А. Яблоков
Любовь и магия (сборник)**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6567478
Елена Звездная и другие. Любовь и Магия: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69186-9*

Аннотация

Кто-то думает, что любовь – только результат химических процессов в мозгу. Кто-то считает, что она – самая большая загадка Вселенной... Ну а авторы этого сборника уверены, что Любовь – это настоящая Магия. И хотя вам предстоит прочесть про эльфов, драконов и колдунов, про невероятные приключения и удивительные события, знайте, что на самом деле в каждом рассказе этой книги речь идет о Любви.

И самое главное! В состав сборника «Любовь и Магия» вошли произведения не только признанных авторов, таких как Елена Звездная, Анна Гаврилова, Кира Стрельникова и Карина Пьянкова, но и начинающих литераторов. Их рассказы заняли первые места на литературном конкурсе портала «Фан-бук», где более двухсот участников боролись за победу. Так что, прочитав рассказ, вы можете зайти на сайт fan-book.ru и поделиться впечатлениями – авторы их очень ждут.

Содержание

Полина Ветрова	4
Карина Пьянкова	13
Карина Пьянкова	20
Лина Гордышевская	35
Сергей Жоголь	42
Введение	42
Находка	44
В деревне	45
Донья Пилар	46
Инквизитор	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Звездная и другие (сборник) Любовь и Магия

Полина Ветрова От ненависти до...

Оруженосец с поклоном подал барону Дотлибу фамильный меч. Его милость привычным движением обнажил несколько дюймов зловеще-черного клинка и с лязгом вдвинул в ножны. После этого соизволил бросить взгляд на Гийома, застывшего в пяти шагах от копыт баронского коня.

– Гийом...

Рядом разрядилась катапульта, с оглушительным треском выпуская снаряд. Камень, завывая, унесся к городу и ударил в гребень стены. Зубец обрушился, по кладке поползли трещины. Барон дождался, пока стихнет скрежет и грохот, затем продолжил:

– Гийом, ты отправишься немедленно. Штурм вот-вот начнется.

– Да, м'лорд.

– Ты исполнишь то, что поручено, не так ли, мой мальчик?

– Да, м'лорд.

– А если не исполнишь, то сам понимаешь, какое несчастье постигнет твою семью. Что, ненавидишь меня? Это хорошо. Ненависть придаст тебе сил. Мы, посвященные Адварду Неистовому, черпаем силу в ненависти. Ну, не смотри на меня так, – его милость изволил улыбнуться. – Если проведешь обряд правильно и вовремя остановишь кровь, то останешься жив. И получишь награду, когда мы будем пировать в захваченном Эслине.

– Да, м'лорд.

– Твое красноречие мне по душе!

Дотлиб пребывал в прекрасном настроении, он уже предвкушал успех. Эслин не падет сегодня, штурм – лишь для того, чтобы дать Гийому шанс провести обряд. Однако барон получал удовольствие, наблюдая, как слаженно работают катаapultы и как держат строй мертвые солдаты в черном. Они уже были готовы идти на приступ.

– Ступай, Гийом. И не позабудь о своей ненависти. Ненависть – очень удобная вещь. Из нее можно сделать все, что угодно. Я хочу, чтобы ты из ненависти добыл мне победу.

– Да, м'лорд.

Гийом побежал к мертвякам, замершим в ожидании сигнала к штурму. На бегу он запахнул полы черного плаща и накинул на голову капюшон, прикрывая до блеска надранный шлем. Когда он стал проталкиваться между мертвыми, он выглядел точь-в-точь, как они, черный, молчаливый.

Катаapultы сделали еще несколько залпов, и участок стены обрушился, камни потекли грохочущей рекой, над проломом взметнулось облако пыли. Хрипло взвыл рог, и мертвые воины размеренно зашагали к бреши, на ходу склоняя копья. Гийом шел среди них. За оседающей пылью уже поблескивали доспехи защитников Эслина. Потом засвистели стрелы. Наконечники с хрустом протыкали мертвые тела, но воины в черном продолжали марш к стене. Рог выл не переставая, барабаны помогали мертвым шагать в ногу и держать равнение. Гийом старался не думать о том, что и в него может угодить стрела...

Вот до бреши пятьдесят шагов, сорок, тридцать, двадцать... Горожане в блестящих латах завопили и бросились навстречу колоннам мертвых. Началась схватка. Черных воинов рубили, кололи, но они продолжали двигаться к стене, нанося короткие, точно выверен-

ные удары копьями. На гребне стены протяжно запели служители Аланны Светлой, и клубы дыма над городом разошлись. В прорехе показалось доброе лицо богини, солнце светило сквозь него, и яркие золотые лучи словно обрели твердость копейных жал. Мертвые заколебались, сбиваясь с шага, они едва двигались, как если бы солнечный свет отталкивал их от стен. Гийом отпихнул мертвого и оказался в первом ряду. Обманым движением заставил горожанина отвести алебарду и воткнул копьё противнику в горло. Тот рухнул, обливаясь кровью, а Гийом выдернул из ножен меч и врубился в ряды горожан, бормоча гимн Адварду Неистовому. Мертвые шагали за ним.

Справа и слева распахнулись городские ворота, и оттуда, блестя доспехами, поскакала кавалерия. Всадники, на скаку перестраиваясь клиньями, вспороли черный строй, их кони опрокидывали и топтали мертвых воинов Дотлиба. Аланна Светлая милостиво взирала на свою паству с небес...

Когда кавалеристы добрались к брешу, у которой Гийом рубился с горожанами, воин Неистового бросился навстречу первому всаднику, увернулся от широкого взмаха клинка и подрубил задние ноги жеребца. Лошадь свалилась вместе с наездником. Несколько мертвецов пронзили упавшего кавалериста копьями и развернулись против скачущих следом, но их в считанные мгновения свалили, вбили в землю копытами.

Гийом не участвовал в этой схватке, он сбросил черный плащ и упал рядом с бьющимся в агонии раненым конем. Его доспехи были точно такими же, как у кавалеристов. Гийом размазал лошадиную кровь по лицу и замер.

Потом, когда конница отогнала мертвых, и горожане вышли подобрать раненых, Гийом пошевелился и застонал. Его заметили. Вскоре он лежал на носилках, и двое ополченцев волокли его в Эслин. На улицах было полно народа – в основном женщины. Они выпрашивали у солдат, чем закончилась схватка.

– Хвала Светлой, мы отбили атаку некроманта! – на ходу отвечали ополченцы.

Им было приятно произнести это вслух. Собственный громкий крик добавлял им уверенности, но они все равно боялись. Гийом чувствовал, как дрожат их голоса. Он уже нащупал кинжал, заткнутый за ремень сзади, но сейчас дергаться было не с руки, слишком людно на улице. Вот носилки затащили в тень и опустили на мостовую. Солдаты тут же убрались. Рядом протяжно стонали раненые и перекликались жрицы, которые оказывали помощь пострадавшим. Гийом осторожно поднял голову и огляделся – в его сторону никто не смотрел. Тогда он сполз с носилок и метнулся за угол. Там выпрямился и зашагал уверенным скорым шагом, как человек, сознающий, что занят чем-то важным.

На перекрестке он угодил в толпу. Женщины тут же запричитали: ах-ах, у него кровь на лице!

– Это кровь врагов! – важно ответил Гийом.

И поспешил убратся, прежде чем глупые тетki сообразят, что мертвые солдаты барона-некроманта кровью не истекают.

Эслин раздражал Гийома – слишком прямые и широкие улицы, слишком много солнечного света. Он добрался до реки, огляделся и нырнул под мост. Присел в тени, смыл кровь с лица теплой водой, воняющей помоями, и заметил круглое отверстие клоаки. Оттуда медленно сочилась мутная вонючая жижа. Гийом сбросил тяжелые латы и протиснулся в дыру.

* * *

В темноте, среди хлюпающей и чавкающей грязи Гийом почувствовал себя лучше. Ненавистные тепло и свет остались снаружи, и он осмелился произнести малое заклинание. В ладони затрепетал зеленый огонек, выхватывая из мрака осклизлые своды, обросшие бородами лишайника. Снаружи, на залитых солнцем улицах, властвовала Аланна Светлая и

магия Неистового была бессильна, но здесь Гийом, по крайней мере, мог обеспечить освещение. Свободной рукой он полез за пазуху и вытащил потрепанный пергамент с планом городской клоаки. Одному Адварду ведомо, сколько серебра Дотлиб отвалил за документ... Барон жаден, однако его мрачная злоба сильнее жадности – он не поскупился, чтобы снабдить вассала планом подземелий. Итак...

Гийом отыскал на карте мост, определил свое положение. Путь предстоял довольно дальний – пересечь под землей едва ли не половину Эслина и выйти к основанию Высокой Башни. Гийом собирался выбираться из клоаки ночью, времени пока достаточно, но и мешкать незачем. Он побрел, загребая сапогами вязкую грязь, вышел на перекресток, куда сходились несколько ответвлений подземного лабиринта, и захлюпал по самому широкому – к центру города. Но до центра еще далеко, пока что путь проходил под бедными кварталами Эслина. Под ногами Гийома хрустели черепки дешевой глиняной посуды, шуршала рыба чешуя.

Гийом был не один – в темноте, едва раздвигаемой призрачным зеленым огоньком, то и дело раздавался шорох, топот маленьких лапок и писк потревоженных крыс. Грызуны разбегались от света.

Потом крысы куда-то пропали, и Гийом насторожился, это было тревожным знаком. Кто-то еще здесь пугает зверьков? Он стиснул кулак, и зеленый огонь умер. Гийом медленно побрел по подземелью, стараясь, чтобы журчание мутного потока скрадывало звук его шагов. Вскоре впереди показался свет. И стали слышны возбужденные голоса, топот, плеск. От этого места Гийома отделял поворот клоаки. Гийом глянул за угол, прижимаясь к слизкому камню, – свет отвесным потоком лился из круглого отверстия в своде, в этом световом столбе топтался вооруженный мужчина. Он привставал на носки и вытягивал шею, всматриваясь в полумрак. Оттуда неслись вопли:

– Хватай ее! Волоки к лестнице!

– Ай, она укусила! Тварь! Тварь! Я убью ее прямо здесь!

Потом шум ударов, женский визг, снова топот и плеск.

– Не смей здесь, – пробасил другой мужчина, – тащи к лестнице. Казнь должен видеть весь город.

Гийом беззвучно прошептал: «Ненавижу!» – и вытащил кинжал. Воин, охранявший люк, так увлекся созерцанием драки, что не услышал шагов Гийома. Вообще ничего не услышал, пока клинок не вошел в его голову за ухом. Придерживая дергающегося в агонии эслинского воина, убийца выглянул из-за его плеча. Еще трое латников волокли к столбу света женщину с окровавленным лицом. Она была тощая, низкорослая и весила, пожалуй, вдвое меньше любого из конвоиров, но упиралась так отчаянно, что мужчинам стоило немалого труда тянуть ее.

– Вам помочь? – спросил Гийом, когда пыхтящие воины доволокли наконец свою жертву к нему.

– А ты бы лучше... – заговорил один из эслинцев, глянув на товарища, не принимавшего участия в свалке.

Больше он ничего не успел сказать. Гийом толкнул к нему мертвеца, рука с кинжалом метнулась к горлу другого, затем Гийом выхватил меч. Эслинский воин оттолкнул женщину, и они с Гийомом стали рубиться в столбе света. Места для схватки было мало, не развернуться, а противник оказался силен, как медведь, его тяжелые удары заставляли Гийома пятиться. Потом сбитый с ног эслинец спихнул с себя убитого приятеля и, рыча от ярости, поднялся из грязи. Женщина молча прыгнула на него сзади, обхватила ногами, стиснула грязными пальцами горло. Воин завертелся на месте, но стряхнуть ее никак не мог.

Наконец Гийом изловчился и рубанул противника по бедру. Теперь можно отступать, пятиться и ждать, пока здоровяк истечет кровью. Но тут второй эслинский латник с размаху

врезался в стену спиной – и повисшей на нем женщиной. Та охнула, сползла в мутную воду. Воин пнул ее сапогом и бросился на помощь напарнику. Пришлось действовать быстро, пока они не насели вдвоем. Но Гийом достаточно удалился от света, наполненного силой Аланны, и, призвав на помощь Адварда Неистового, атаковал. Порезанная нога подвела противника, тот не сумел вовремя развернуться, и меч Гийома, направляемый рукой смертного и волей божества, пропорол кольчугу. Остался последний противник. Гийом бросился в атаку, заставил эслинца отступить на шаг, другой... а потом враг неожиданно потерял равновесие и опрокинулся назад. Гийом с удивлением разглядел замершую на четвереньках женщину – оказывается, она подобралась к противнику сзади, когда он пятился. Падая, воин ударился головой и потерял сознание.

Но удивляться было некогда, новые враги могли появиться в любой миг. Разделавшись с последним эслинцем, Гийом бросил через плечо:

– Эй! Бежим отсюда! Скорее!

– Сейчас, – хлюпая разбитым кровоточащим носом, пропыхтела женщина, – сапоги только...

Она стянула с мертвеца сапоги и обулась. Потом они побежали в темноту – Гийом первым. Когда столб света остался далеко позади, Гийом пошел медленнее.

– Кто ты? Откуда? – бросил он через плечо. – Чего им от тебя нужно?

– Я Лайва, – назвалась спасенная. – Ниоткуда. Родилась в этом городе, будь он проклят.

Гийом, воззвав к Неистовому, разжег зеленое пламя в ладони и поднес огонек к лицу спутницы. Она не удивилась и не стала отстраняться. Лайва оказалась совсем молоденькой девушкой, Гийом едва различил черты ее лица под слоем грязи и крови. Он назвал свое имя и, больше не оборачиваясь, зашагал по клоаке. Девушка семенила следом, шумно хлюпая чужими, слишком большими сапогами, и рассказывала свою печальную историю. Ее мать казнили на площади, когда началась осада. Они, Лайва с матерью, были посвящены Эдге Мрачной. Гийома это не удивило – когда городу грозит Адвард Неистовый, добрые люди истребляют всех последователей Темного Пантеона без разбора. Лайва пряталась, ее убежище нашли. Она сбежала, ненадолго опередив погоню.

– Я замешкалась, – сморкаясь сгустками крови, объяснила девушка, – пока поднимала эту тяжеленную решетку над спуском в клоаку. Ну а потом... я же сбросила сандалии, чтобы бежать быстрее, а здесь, внизу, босиком не побегаешь. Вот тут-то они меня и настигли.

Она не стала расспрашивать Гийома, кто он и зачем странствует под землей. Он ее спас – этого было достаточно. Потом Гийом почувствовал, что побаливает бок. Оказалось, задел клинком кто-то из городских солдат, а в пылу схватки он ничего не почувствовал. Рана была пустяковая, но пергамент с планом подземелий пропитался кровью, и рисунок едва различался.

– Ничего, – успокоила Лайва, – я проведу. Куда тебе надо?

– К Высокой Башне... стой! Ты слышишь?

Навстречу беглецам из темноты что-то надвигалось. Что-то большое, издающее невнятный, однако непрерывный и сильный шум. Лайва встала рядом с Гийомом, и в ее грязной ладони расцвел огонь – синий, почти такой же яркий, как и зеленое пламя Неистового в руке Гийома. Они зашлепали по жидкой грязи навстречу неведомому.

Шум стал громче, он складывался из хлюпанья воды, шороха хвостов, крысиного писка... и чего-то еще. Неприятный резкий скрежет едва угадывался в звуках, издаваемых сотнями крыс, бегущих по подземелью навстречу людям. Гийом и Лайва, касаясь плечами друг друга, а иначе в тесном проходе было не поместиться, шли навстречу крысам. Вот в призрачном свете зеленого и синего огоньков замелькали блестящие глазки, мокрые ободранные бока, голые хвосты. Поток крыс хлынул под ноги беглецам. Поначалу те отшвыривали тварей сапогами, топтали и пытались отогнать, но напрасно – то, от чего спасались грызуны,

пугало их куда сильнее. Обезумевшие крысы бежали навстречу, угрозы они не представляли, люди замерли, позволяя тварям нестись у их ног. Потом крысиный поток иссяк, и скрежет сделался явственней. Он приближался. Гийом вытащил меч и попробовал заслонить собой девушку. Лайва снова упрямо протиснулась мимо, встала рядом, подняв свой огонек вровень с зеленым пламенем Гийома.

В ответах колдовского огня блеснули сотни мелких чешуек, когда громадная змееподобная тварь показалась из-за поворота. Голова остановилась, покачиваясь на высоте пояса Гийома, а бесчисленные чешуйчатые кольца свивались под ней, справа, слева... Змея подтягивала неимоверно длинное тело, которому, казалось, не будет конца. Чешуйки, скользя по камням, издавали скрежет, который Гийом слышал сквозь крысиные топот и писк. Наконец чудище замерло. Гийом шагнул к нему, отводя в сторону клинок, ровно настолько, насколько позволяла ширина прохода. Лайва мешала ему размахнуться, но девушка упрямо держалась рядом, так что их огоньки мерцали в десятке дюймов друг от друга.

Снова заскрежетала по камням чешуя – змей пятился, расплетал кольца и отползал в темноту. Гийом с Лайвой снова шагнули, и тварь поползла скорее. Еще шаг – змей распахнул пасть, показывая длинные острые иглы зубов, издал шипение. Потом страшная голова с распахнутой пастью исчезла, канула во мрак. Змей рывком метнулся назад, так быстро, словно его кто-то дернул за хвост. Если такое можно себе вообразить.

Гийом с шумом перевел дух.

– Два огня в наших руках кажутся ему глазами, – тихо произнесла Лайва. – Они высоко, значит, тот, кто глядит на хранителя подземелий из темноты, очень большой. Хранитель испугался.

– Вряд ли он вообще видит, – возразил Гийом, – если всю жизнь проводит в темноте.

– Это неважно. Он слышит топот четырех ног рядом, ощущает, что мы – что-то большое, чует очень разные запахи. Свежую кровь многих людей на твоём мече, твою кровь, мою кровь... из разбитого носа.

Гийом покосился на спутницу и заметил, что девушка улыбается.

– Эй, прекрати! – с притворным возмущением прикрикнул он. – Твоя улыбка – это богохульство, разве могут улыбаться адепты Эдги Мрачной!

И они рассмеялись – беззаботно, как дети. В грязи и крови, в темноте и вони клоаки им было хорошо вдвоем. Потому что огоньки в их ладонях горели рядом, потому что змей сбежал, потому что смерть, которая гналась за обоими, не придет в ближайший миг. У них есть немного времени, разве это не причина для веселья?

Лайва прижалась к груди Гийома и стиснула пальцы, погасив свой огонек. Он тоже сжал кулак, и их губы встретились в крошечной темноте.

Когда они сумели наконец оторваться друг от друга, первой мыслью Гийома было: «Сколько прошло времени?» Потом пришла другая мысль: «Я должен что-то сказать. Но что? Что ни скажи, все будет не так...»

– Я бы никогда не уходила отсюда, – вздохнула Лайва. – Но ты ведь должен что-то сделать, верно?

– Я должен подняться на Высокую Башню, – с облегчением ответил Гийом. Теперь не нужно ломать голову и выдумывать фальшивые слова. – Ночью. Барон пойдет на штурм в темноте, когда Аланна слабее.

– Тогда не будем терять времени. Только...

– Что?

– Я боюсь идти этим путем. Там где-то змея. Можно я проведу тебя в обход? Вот увидишь, это не так далеко!

* * *

Лайва повела в боковое ответвление, местами было тесновато, пару раз вонь становилась невыносимой, и Гийом прикрывал лицо рукавом. Одежда тоже пропахла, но ему казалось, что так легче.

– Уже совсем скоро, – сдавленным голосом сообщала Лайва, – скоро будет легче.

Но шагать пришлось еще порядочно. Наконец показалась решетка, перегородивающая проход. Девушка ощупала стену, под ее ладонями с окислизшихся камней кладки сыпались пластины мха. Она отыскала рычаг, надавила. Решетка, дрожа и скрежеща, ушла в стену. Беглецы протиснулись в тесный лаз и оказались в широкой галерее. Гийом поднял руку с колдовским огнем повыше, оглядываясь. По дну этого коридора проходил канал с тихо журчащей водой, справа и слева тянулись каменные выступы в локоть шириной. Пахло свежестью, никакого смрада помоев. Через равные промежутки в стенах были прорублены поперечные каналы.

– Это питьевая вода. Канал прямой и ведет к Башне. Теперь уже совсем близко... и потом, я очень хотела умыться, – извиняющимся тоном объяснила Лайва. – Если и потеряли время, то совсем немного, клянусь Мрачной!

Гийом подождал, пока она смоет с рук и лица кровавую грязь, с удовольствием умылся сам.

– Ты неплохо знаешь подземелья, – заметил он.

– Пришлось узнать. Должны же мы были где-то воздавать хвалу Мрачной!

– Почему ты вообще жила здесь? В Эслине чтут Светлую, а ты посвящена богине Темного Пантеона.

– Отец. Он был эслинцем. В прошлом году умер, а мы с мамой так и не собрались уехать. Пока не было войны, нас терпели. Да и куда ехать-то? Где нам были бы рады?..

– Ясно. Что теперь?

– Туда. – Девушка показала направление. – Ничего, теперь уже совсем скоро.

Гийом шел за ней и думал о том, что ему вовсе не хочется добраться скорее. Еще немного, еще чуть-чуть. Совсем чуть-чуть шагать рядом с Лайвой в прохладной темноте, не рисковать быть убитым и никого не убивать. Это так прекрасно... Но всему приходит конец в свой черед. Лайва свернула в один из боковых проходов и позвала спутника:

– Это здесь! Мы уже в подвале Высокой Башни. Сюда спускается за водой жреческая прислуга!

Короткий отросток подземного хода привел в сводчатый подвал. Канал со свежей водой заканчивался прямоугольным бассейном, от которого ступени шли вверх – к низенькой дубовой двери, окованной стальными полосами.

Гийом поднялся по ступеням и толкнул дверь – не заперта. Ну еще бы! Кому придет в голову опасаться нападения здесь, в самом безопасном строении в городе!

Когда они выбрались из подвала, за окнами было темно. Наступило время Неистового, и, значит, развязка близка. Пришел конец его странствиям по Эслину и его краткому знакомству с Лайвой. Как жаль, что они встретились в плохое время. Как славно, что они встретились! Девушка перехватила взгляд Гийома и осторожно взяла его за руку. Похоже, ей, такой ловкой и уверенной в подвале, было не по себе в просторных чистых покоях.

Первый этаж огромного сооружения пустовал. На ночь двери Высокой Башни запирались, и служителям Светлой незачем было здесь находиться. Гийом припомнил устройство святилища. Барон показывал планы Башни и велел запомнить.

На втором этаже помещения были не такими просторными, и серебристые лунные блики лежали на древних стенах напротив узких стрельчатых окон. Из-за запертых дверей

доносился тихий храп – здесь ночевали храмовые служки и жрецы низкого ранга. Ступая на лестницу, уводящую к вершине башни, где хранился Небесный Камень, Гийом обернулся:

– Тебе незачем идти со мной. Может, спрячешься? Вернешься в подземелья, переждешь? Через несколько дней можно будет выбираться. К тому времени на поверхности останется мало живых.

Лайва отрицательно помотала головой. Они зашагали по истертым до блеска ступеням. Третий этаж, четвертый... Ни движения, ни звука, только серебряный свет луны, струящийся в окна. Окна эти напоминали бойницы, такие узкие, вытянутые. Подле каждого аккуратно сложены колчаны со стрелами и коробки с арбалетными болтами. Но стражи нет, ведь враг еще далеко – за городскими стенами.

Подъему, казалось, не будет конца. Высокая Башня неспроста носила свое название, она уходила в небеса, а в пасмурные дни тучи касались брюхом ее шпиля. И там, под самым сводом, хранился Небесный Камень. Величайшая ценность Эслина. Гийому стоило немалого труда переставлять налившиеся свинцом ноги, а Лайва давно выдохлась и, шумно пыхтя, топала где-то внизу. А ведь у Камня может бодрствовать жрец. Не годится, чтобы он услышал. Гийом привалился к стене и замер, поджидая спутницу. Когда она показалась из-за поворота, сделал знак остановиться.

– Здесь мы можем перевести дух, до верхушки осталось немного. Можешь присесть.

Лайва кивнула:

– Ладно. Но садиться не буду. Потом, боюсь, не сумею подняться.

Она скинула сапоги, чтобы дальше шлепать босиком. Отдышавшись, они продолжили подъем, но теперь шли медленно и тихо. Вот и последний виток лестницы. Вверху горит огонь, рыжие отсветы дрожат на ступенях. Над головой проскрежетал металл, как будто что-то тяжелое тянули по камням. Гийом закончил подъем, осторожно выглянул из-за дверного косяка... и тут же отшатнулся. Трое! Три жреца-воина в полном вооружении сидят на скамьях у стен. Один из них передвинул секиру – ее окованная рукоять и скрежетала по камням. Гийом не надеялся справиться с троими даже ночью. Он тискал рукоять меча и судорожно пытался что-то придумать. Но в голове было пусто – только ненависть. Привычная ненависть, однако ее одной было мало!

Лайва, бесшумно ступая босыми ногами, приблизилась к portalу, позади которого вокруг Небесного Камня расположилась стража. Бросила взгляд и отпрянула. Уставилась на Гийома. Она что-то задумала, догадался он, глядя, как девушка хмурится и кусает губы. Он бы предложил ей уйти, сказал бы, что подождет, пока она уберется подальше... но ясно читал в ее взгляде – Лайва не согласится.

Наконец она решилась. Толкнула Гийома к стене, в тень, и обернулась к проему. Гийому оставалось лишь с удивлением смотреть, как она решительно шагает в поток света, струящийся из зала.

– Эй вы, уроды! – противным голосом завизжала Лайва. – Сволочи, паразиты светлые! Чтоб вы передохли! Чтоб вас чума забрала!

Она размахнулась и швырнула грязный сапог в комнату, за ним другой. Потом бросилась бежать. Промчалась мимо опешившего Гийома, затопала по ступеням. Жрецы, конечно, тоже растерялись, но их промедление было недолгим. Первый показался в проеме, он мчался, не глядя по сторонам, ему-то было отлично слышно, как стучат внизу пятки Лайвы. Гийом выставил ногу, и жрец, запнувшись о его сапог, покатился по лестнице, отчаянно ревя и гремя доспехами. Второму Гийом проткнул клинком горло над обрезом кольчуги. Надавил, вталкивая умирающего обратно в зал – навстречу третьему охраннику. Третий замешкался, увертываясь от падающего тела, и Гийом бросился в атаку, не дожидаясь, покуда воин Светлой призовет свою богиню.

Противник был силен и ловок, но неожиданность нападения сделала свое дело, Гийом теснил жреца к стене. Затем появилась Лайва, в руке поблескивал окровавленный кинжал с ликом Светлой на рукояти. Девушка подхватила с пола сапог, снова швырнула в лицо воину Аланны Светлой. Тот увернулся, и Гийом достал его мечом. Жрец дрался достаточно ловко, в искусстве боя он ничуть не уступал Гийому. Но Лайва толкнула ему под ноги скамью, потом швырнула второй сапог в лицо... Страж Камня решился на последнюю отчаянную атаку, противники сблизилась, и острое вражеского клинка скользнуло по ребрам Гийома, а тот, выхватив кинжал из-за спины, всадил воину в глаз. Жрец с грохотом рухнул на пол, а Гийом уставился на обильно кровоточащий бок.

– Проклятие! – прохрипел он, опуская меч. – Кровь! Только бы хватило для обряда! Ненавижу...

Он бросился к Небесному Камню, установленному в центре круглого зала на литой опоре, изображающей растопыренную когтистую лапу. Склонился над Камнем, позволив крови стекать в металлическую чашу, в центре которой покоился артефакт.

Лайва попятилась, а он принялся нараспев выкрикивать формулы призыва Неистового. Кровь лилась в чашу, брызги пятали камень, темные струйки стекали по опоре.

– Хватит! – завизжала Лайва. – Ты убьешь себя!

Гийом не позволял себе отвлечься. Он знал, что будет с его родными, если обряд не удастся завершить. Лайва кричала, плакала, топала ногами – он не слушал. Когда Лайва попыталась приблизиться, направил в ее сторону острое меча. А потом над городом, заслоня Луну, поднялась чудовищная фигура Неистового. Призыв был услышан. Только тогда Гийом позволил девушке подойти. Она, глотая слезы, стала перетягивать его распоротый бок обрывками плаща убитого жреца... Неистовый, ухмыляясь, занес над городом огромный черный меч. В Эслине затрезвонили колокола, по улицам побежали люди с факелами. Они в ужасе задирали головы, разглядывая чужого бога, который нес им гибель. Над головой Неистового в бешеном хороводе закружились тучи, пророкотал гром.

Сверкнула молния, огромный черный меч опустился на купол храма, звон прервался, вздрогнула Высокая Башня. Гийом, опираясь на плечо Лайвы, проковылял к окну и жадно уставился на картину разрушения. Черный меч Адварда поднимался и опускался, молнии били в купола храмов Светлой, и колокола смолкали один за другим. Гром рокотал, не переставая, молнии падали вокруг громадной черной фигуры Неистового, и его меч то возносился к тучам, то опускался на кровли и башни.

На нижних этажах Высокой Башни жрецы в ужасе завели гимны в честь Аланны Светлой, и вот она возникла над Эслином бледной тенью. Ночью власть ее была не так велика, богиня это знала. Она задрожала при виде Неистового, а его перекошенное ненавистью лицо осветилось мрачной ухмылкой. Он шагнул к богине, занося гигантский черный меч, Аланна отступила на шаг, поднимая руки. Потoki света хлынули с ее ладоней навстречу Неистовому, он легко рассек свет клинком, за которым широким пологом тянулась тьма. Адвард наступал, топча городские здания, от его шагов тряслась земля.

В этой кутерьме удары тарана в городские ворота казались не громче комариного писка. Покуда боги сражались в вышине, воины барона Дотлиба, живые и мертвые, подступили к укреплениям Эслина. Таран вышиб ворота, и черные воины хлынули внутрь. Защитники города встретили их на улицах, молнии рождали отблески на отполированных шлемах и латах. Мертвые воины не смогли сломить сопротивления эслинцев, но в ворота уже вступали тяжеловооруженные всадники во главе с бароном. Сегодня некромант наконец обнажил свой родовой меч – уменьшенную копию оружия Неистового. Удары тяжелого клинка обрушились на горожан, и тьма черной струей тянулась за мечом барона, точно так же, как и за мечом Адварда, – там, в небе. Строй воинов в светлых латах развалился, черные всадники топтали и опрокидывали эслинцев.

– Лайва, уходи, – едва слыша собственный дрожащий голос, пробормотал Гийом. – Барон победит... ненавижу... ненавижу его... а он знает, что я здесь. Он придет сюда, к Камню. Уходи.

– Уйдем вместе!

– Нет. Если меня здесь не будет, когда явится Дотлиб, он убьет моего отца, мать, сестер... всех! Убьет и *поднимет*.

Аланна Светлая закричала и сгнула, ее силуэт рассыпался светящейся пылью. Адвард взревел, потрясая мечом над обреченным Эслином. Лайва стряхнула руку Гийома со своего плеча и бросилась к центру зала. Подхватила с пола кинжал и полоснула себя повыше запястья. Гийом, не в силах стоять на ногах, сполз по стене и глядел на девушку. Та, поливая кровью Небесный Камень, призывала Эдгу Мрачную.

– Прекрати! – крикнул он. И этот крик отнял последние силы. Гийом закрыл глаза и отдался забвению.

Когда он очнулся, над городом в огне и дыму пожаров рядом с громадой Неистового вознеслась вторая черная фигура. Эдга Мрачная тряхнула густой гривой волос и подняла два длинных клинка, загнутых вперед наподобие косы. Хриплым голосом она бросила вызов Неистовому, и тот отозвался протяжным ревом. Громадный меч обрушился на Эдгу, она, не дрогнув, приняла его на скрещенные клинки, и тьма, которая тянулась за мечом Неистового, побледнела и стала рассеиваться. Над горящими руинами закипела новая схватка. Эдге были безразличны посвященные Адварду. Сражаясь, забывал обо всем и сам Неистовый. Оба с упоением наносили и отражали удары, топча всех, кто попадался под ноги, – и тех, кто в светлых латах, и тех, кто в черных плащах. Гийом увидел барона – тот, размахивая черным клинком, призывал вассалов не отступать, но живые разбегались из-под ног Темных богов. Мертвые воины, не слыша барабанов, останавливались и опускали оружие...

Неистовый дрался с диким смехом, Эдга мрачно ухмылялась. Город под их ногами пылал, рушились дома, молнии хлестали по башням и куполам храмов... Живые и мертвые воины валялись десятками, огонь пожаров вздымался, освещая снизу божественное побоище.

Конь под Дотлибом встал на дыбы, барон отчаянно взмахнул мечом, и его окутала тьма, рожденная этим движением. От поступи сражающихся темных здания вокруг тряслись и разваливались. Бревна, пласты штукатурки, черепица и обломки мебели потоком хлынули в облако тьмы, скрывшее некроманта. Оттуда выскочил вороной жеребец с пустым седлом... а потом Эдга, отступая под ударами Неистового, припечатала развалины гигантской ногой.

– Сдохните все! – визжала Лайва, а кровь лилась с ее ладони в чашу, посередине которой тускло мерцал Небесный Камень. – Умрите! Исчезните!

Гийом проковылял к девушке, чтобы перетянуть ее разрезанную руку. Обряды свершились, город Эслин, убивший мать Лайвы, умирал, некромант Дотлиб сгинул... а они были живы и они были вместе.

Адвард широким взмахом черного меча отбил клинки Эдги, ухватил богиню и притянул к себе. Она опустила оружие, и Неистовый с Мрачной слились в поцелуе среди поднимающихся над городом клубов дыма. Тучи над горящим Эслином наконец разразились струями дождя, холодные потоки обрушились с небес, смывая все, что случилось этой ночью. А на востоке небо уже наливалось багрянцем новой зари.

Карина Пьянкова Венец безбрачия

– Вась, а Вась, ты будешь клиентку принимать или нет? – лениво спросил Костик из-за соседнего стола, даже не открывая глаз. Однако когда я швырнула в него точилкой, увернулся на диво хорошо для разморенного жарой и бездельем человека. Терпеть не могу, когда он зовет меня Васей, я ему что, кот дворовый?!

Денег на кондиционер выделить мы пока так и не смогли: с клиентами было негусто, а лето выдалось до неприличия жарким, хоть на стенку лезь. Раскрытые окна не помогали ни капли, даже сквозняк приносил лишь тепло. Если я хоть как-то умудрялась держать себя в тонусе, то напарник в таком раскаленном аду обычно тихо дремал, развалившись в кресле и водрузив ноги прямо на стол. Хорошо хоть, что Костя был мужчиной чистоплотным и не забывал снимать обувь перед таким непотребным поступком. Да и носки у него были всегда чистые...

– А может, ну ее, а? Конец дня, я вымоталась... – устало вздохнула я, промакивая лоб влажной салфеткой. Последняя. Нужно идти в магазин за новой пачкой. А там плюс тридцать пять. В тени.

Да и посетительница мне категорически не нравилась: от таких не жди ничего, кроме неприятностей.

– Нам нужен кондиционер, – резонно пробурчал сквозь дрему Костик и снова мирно засопел. Только очень уж демонстративно.

Слово «кондиционер» давно стало для меня волшебным, и я неохотно, но все-таки поднялась, чтобы встретить и завести в наш один на двоих кабинет того, кто готов отдать свои денежки ради богатства, удачи или любви. Считается, что ведьма в состоянии продать все это в концентрированном виде в пузырьке или пакете, а представители моего ремесла не спешили разубеждать потенциальных клиентов.

– Здравствуйте, меня зовут Василиса Ивановна, – чинно и важно представилась я, запустив посетительницу в наш офис.

Та была невысокой, пухленькой и прыщавой девицей лет восемнадцати в потертых джинсах и нелепой футболке, и то и другое на размер меньше необходимого.

Отлично, значит, любит врать самой себе. А это уже большая проблема для меня.

– Мария, – попыталась скопировать мой тон клиентка, теребя кончик тонкой серовато-русой косы и предсказуемо заинтересованно поглядывая на преспокойно спящего напарника. Костик радовал взгляд приятными чертами лица, высокими монгольскими скулами и раскосыми глазами, имея наглость носить при этом фамилию Петров. Вот ведь... татарин.

– Присаживайтесь, Мария, – указала я девушке на стул около своего рабочего стола.

Та села, но при этом спросила, косясь на бейджик на груди моего коллеги:

– А... можно мне... к... Константину Дмитриевичу?

У Костика дернулась щека, и коллега тут же начал еще и похрапывать слегка – для достоверности. Не знаю, как мне удалось удержаться от смеха?! И вот так у нас всегда – женщинам он нравился всем поголовно вне зависимости от возраста и семейного положения. А вот сам потомственный колдун Петров не выносил работать с такого рода клиентурой, избегая их всеми приличными и неприличными способами.

– Константин Дмитриевич не работает с молодыми девушками, – серьезно пояснила я разом погрузневшей Марии, надеявшейся, что дело иметь придется с симпатичным парнем, а не с красивой до отвращения девушкой. Однако шансов у нее не имелось изначально.

Юных дев мой татарский товарищ Петров и правда переносил особенно плохо и после каждой такой клиентки брал выходной. По его словам, чтобы нервы полечить. В конце концов я решила, что куда проще брать на себя всех молоденьких особ, являющихся к нам ради красоты и любви, чем потом одной куковать в офисе целый день.

– Так какие у вас проблемы, Мария? – привычно начала расспросы я, хотя все ее проблемы были налицо. Точнее, на лице. А также на животе, бедрах и плечах. Едим что попало, не следим за собой и все время проводим у телевизора. А потом идем в аптеку за притираниями от прыщей и таблетками для похудения, ну или к какой-нибудь местной колдунье, все зависит от воспитания и личных предпочтений. Хотя, как по мне, так самая отъявленная шарлатанка куда безопасней китайской отравы, которая призвана сделать фигуру совершенной.

– На мне венец безбрачия, – тоном шекспировской Офелии заверила меня посетительница с трагичной миной на воспаленном лице.

Я прищурилась и посмотрела на нее повнимательней. Потом встала и зашла со спины, чтобы разглядеть со всех сторон. Не обнаружилось ничего, что бы хоть как-то могло сойти за проклятие или хотя бы сглаз.

– На вас нет венца безбрачия, – озадаченно произнесла я, нюхом чуя, что ничего хорошего мне с девочкой не светит.

Предчувствия меня редко подводили.

Мария с возмущением и полной уверенностью в собственной правоте ответила:

– Нет есть!

Я могла бы сказать, что из нас двоих именно я потомственная ведьма в седьмом поколении, знавшая еще пяти лет от роду наперечет все нужные травы и огромное количество заговоров, которыми поделилась с любимой внучкой бабушка, известная в области знахарка... но все равно это не убедило бы юное создание в моей правоте. Потому что гораздо проще сказать, что тебе не везет в чем-то из-за проклятия, и стоит только снять его, как все наладится само собой.

– Почему вы так считаете? – попыталась зайти с другой стороны я.

– Мне уже девятнадцать – а парня не было и нет! А он... он вообще не обращает на меня никакого внимания! – тут же ответила с еле сдерживаемыми рыданиями в голосе клиентка. Ее нос стремительно начал краснеть... Ничего не скажешь, редкая красавица. Наверняка таинственный «он», ради которого Мария явилась ко мне, действительно никогда не заинтересовался бы такой девушкой.

Костик тихо хрюкнул со своего кресла, но больше ничем не продемонстрировал того, что уже давно бодрствует и внимает всему сказанному в кабинете. Мне тоже было очень смешно, но, в отличие от напарника, приходилось держать лицо и притворяться, что все поведенное Марией я воспринимаю абсолютно серьезно. Сильнее, чем сейчас, мне хотелось рассмеяться, только когда к нам явилась с теми же подозрениями девочка лет тринадцати с деньгами, сэкономленными на школьных завтраках. Она тоже чудовищно волновалась из-за простоя в своей личной жизни. Но если у того подростка никаких проблем не было, то у нынешней моей клиентки они имелись, правда не из-за колдовства.

– Мария, но так бывает и без венца безбрачия, – мягко начала изначально бесполезный процесс убеждения я.

– Но как?! Все подружки с кем-то встречаются! – не унималась Мария, явно желая заплатить мне за решение всех ее насущных проблем. Нет, деньги нам, конечно, были очень нужны – кондиционер! – но не брать же их за работу, которую должны проделать другие люди в другом месте?

– Может быть... вам нужно что-то изменить в себе? Если у вас нет личной жизни, то дело может быть вовсе не в венце безбрачия, – я тонко намекала на внешнее несовершенство

ство клиентки. – Понимаете, чтобы разглядели вашу душу, сначала нужно... чтобы и ваша внешность привлекала... Может быть, вам лучше... Ну не знаю...

Не сумев подобрать слова, я просто сунула девушке визитку фитнес-клуба. Та посмотрела на нее, как на жабу. При этом, готова поклясться, вручи я ей действительно жабу с заверением, что ее поедание даст красоту и мужское внимание, то несчастное земноводное было бы съедено тут же и заживо.

– Я... я к вам за помощью пришла – а вы издеваетесь! – с истеричными нотками воскликнула Мария, подскочила со стула и пулей вылетела из кабинета, напоследок так долбанув дверь, что штукатурка с косяков посыпалась.

Костик заржал во весь голос, закинув руки за голову.

– Вась, нам так никогда на кондиционер не заработать, – отсмеявшись, укорил он меня. – Ты же вполне могла получить с нее приличную сумму и навешать на уши с три короба.

Я налила себе в стакан воды из бутылки, выпила ее залпом и только потом презрительно фыркнула в ответ. Моральные принципы потомственного колдуна Константина Петрова не совпадали с моими на девяносто процентов. Непонятно, как мы только друг друга терпим?

– Много ли возьмешь с бедной студентки? Ей, наверное, родители до сих пор на карманные расходы дают, – пожала плечами я.

– Ну, какая разница, кто ей деньги дает, – невозмутимо парировал Костик, завладев емкостью с животворной влагой и тут же опустошив ее прямо из горлышка. – К колдунам с пустыми карманами не ходят.

– Сам за минералкой пойдешь, – ворчливо сообщила я коллеге и продолжила наш разговор: – Но это же обман!

Тот ухмыльнулся и жестом фокусника достал из-под стола еще одну бутылку с водой, торжественно вручив ее мне. Жизнь сразу стала на порядок лучше.

– Обман, – без малейших раздумий согласился тот. – Но она верит, что можно получить все, что только пожелаешь, за пару секунд. В том числе и того таинственного парня, по которому сохнет. А глядя на тебя, в это верится особенно хорошо. Как не поверить во всесильность магии, если тебе об этом говорит привлекательная стройная блондинка? Наверняка ведь вся эта неземная красота исключительно из-за чар.

О да, именно так обо мне и думали клиентки. Крекс-фекс-пекс – и Василиса сразу стала длинноногой красоткой. И никаких проблем. Ведьма же.

– Ко-о-ость, ну тебе ли не знать, как я три раза в неделю помираю в спортзале и сколько трачу на косметолога и парикмахера, – недовольно протянула я, тяжело вздохнув. Людская глупость меня всегда удручала. – Ну нет такого зелья, которое дает красоту, нет. Все в конечном итоге приходится делать самой...

И любовь при помощи колдовства не получить. Уж я-то это знаю. Да и Костик тоже. Иначе бы мы не ходили вокруг да около последний год, искоса поглядывая друг на друга и притворяясь, что ничего не замечаем.

– Я-то, положим, знаю, что ты у нас красавица не только из-за щедрости природы, но и из-за упертости и трудолюбия. Но Марии-то в это не верят, – с откровенной иронией развел руками он, видя, как я краснею от удовольствия. – Она бы с радостью заплатила тебе, причем немало. Дюжина таких Марий – и мы установим в офисе кондиционер. Так что прекрати страдать из-за ерунды и возьми деньги у тех, кто так страстно хочет их отдать.

Нет, все, что говорил Костик, было, конечно, правдиво, такие девочки скорее поверят во всесильность ведьмы, чем в то, что терпение и труд все перетрут, но ведь все равно нечестно получается. Ну, заявлю я этой дурочке, что сняла венец безбрачия, дам амулет какой, и будут пару недель ее все вокруг считать писаной красавицей и штабелями падать

к ногам... Но потом амулет выдохнется, и что дальше? Снова ко мне? Ну да... И так до бесконечности. Вроде бы и выгодно, только мерзко как-то. Не люблю использовать людей таким вот бесчестным образом.

– Ничего, проживем еще одно лето без кондиционера, – упрямо буркнула я, глянув на часы. До занятия по пилатесу оставалось всего минут сорок, за которые еще нужно было добраться до фитнес-клуба в другом районе города. – Ладно, Кость, я побежала, если что – звони!

– Беги, о рабыня глянца и диет, – насмешливо произнес он мне вслед, послав воздушный поцелуй. – Доводи до совершенства свои совершенные формы.

* * *

В следующий раз Мария явилась через полторы недели, слегка осунувшаяся и радующая глаз зеленоватым оттенком кожи. Явные последствия пищевого отравления заставили меня предположить, что девушка обратилась со своими проблемами к другой местной волшебствующей особе. Та наверняка не была такой совестливой, как я, и дала ей какую-то трын-траву, которую жертва мужского невнимания покладисто съела... Ну и, кажется, что эта трава или не трава была тем самым «лекарством от глупости» и в конечном итоге привела некрасивую девушку Машу назад, в наш с Костей офис. Хитрая татарская морда, к слову, испарилась за четверть часа до визита юной особы, будто спинным мозгом ее почувствовав.

– Здравствуйте, Василиса... – неуверенно проблеяла клиентка.

– Ивановна, – добавила я, надеясь, что встреча не затянется надолго, иначе я опоздаю к парикмахеру. Русые корни уже немного отросли и не слишком хорошо сочетались с основным цветом волос, нужно было срочно краситься.

– Ивановна, – не слишком довольна повторила гостя, глядя на меня почти с ненавистью. – А приворожить вы можете?

Все понятно, решила не размениваться на глобальные цели и заполучить одного-единственного парня. Наверняка таинственного «его», о котором заикнулась в прошлый раз.

Мне не удалось удержать рвущееся наружу ехидство:

– А как же венец безбрачия?

Мария поспешно отвела взгляд в сторону. Ее щеки заливало румянцем то ли смущения, то ли злости.

– Ну, про вас говорят, что вы хорошо знаете свое дело... И раз вы сказали, что венца безбрачия нет, стало быть, нет, – принялась путано оправдываться та, но быстро спохватилась: – Так можете приворожить или нет, а?

– Могу, – неохотно призналась я. Привороты тоже дело не слишком чистое, но тут приходилось утешать себя тем, что хотя бы можно гарантировать стопроцентный результат. – По фотографии.

На стол передо мной тут же легло фото загорелого накачанного брюнета с ясными голубыми глазами и сияющей улыбкой. Пожалуй, он был почти так же хорош собой, как Костик. Почти.

Готова поспорить на что угодно, что я имела счастье любоваться на первого красавца в институте Марии. Моя клиентка на такого парня могла смотреть только издали. Тут и правда без помощи ведьмы не обойтись...

– Этого сможете? – чуть напряженно уточнила девица, очевидно, побаиваясь, что я снова пошлю ее в фитнес-клуб.

– Могу, – уверенно кивнула я, забирая фото. – Послезавтра молодой человек будет думать только о вас. Оплата по факту.

Окрыленная клиентка выскочила за дверь, подпрыгивая от радости. Люстра опасно закачалась. Но хотя бы дверь Мария на этот раз закрыла аккуратно.

Через день вечером жертва «венца безбрачия» принесла деньги, рассыпаясь в благодарностях. Привороженный молодой человек ходил за ней хвостиком, преданно заглядывал в глаза и звал замуж, так что заплатила девушка даже немного больше того, что я просила за свои услуги. Костик ликовал: кондиционер был все ближе.

– Не спеши радоваться, она еще прибежит с претензиями, – поспешила я остудить восторги коллеги.

Практиковать мне пришлось с шестнадцати – бабуля отошла от дел, но дела остались, так что я успела прекрасно узнать за время своей профессиональной ведьминской деятельности, что истории с приворотами, особенно если привораживаешь к такого рода особе, ничем хорошим не заканчиваются.

Костик беззаботно улыбнулся и предложил размять мне плечи, на что я с радостью согласилась. Уж искусством массажа этот татарин владел отлично, порой мне казалось, что здесь он талантливей, чем в колдовстве. Да и вообще, грех отказываться от такой услуги, если ее озвучивает вполне себе приятной наружности мужчина, на которого у тебя вполне определенные планы.

Третий и, как я втайне надеялась, последний раз мне пришлось встретиться с Марией. Она явилась спустя неделю после приворота, как раз на следующий день после того, как мой коллега решил подарить мне цветы. Пока только в горшке, но прогресс уже налицо, еще немного – и мы до чего-нибудь дойдем.

Надо сказать, что моя неудачливая клиентка довольно быстро поняла, в чем же тут оказался подвох, и кинулась разбираться с якобы надувшей ее ведьмой. Костик на этот раз предпочел задержаться в офисе и лично посмотреть «представление». Он включил ноутбук и усиленно делал вид, что корпит над чем-то, но, если приглядеться, становилось заметно, что он не столько работает, сколько наблюдает за происходящим в комнате.

Мария казалась такой же неухоженной, как и в нашу первую встречу, но хотя бы не выглядела болезненно. Стало быть, не ходила по другим колдуньям и не пила всякую дрянь в надежде выполнить свои заветные мечты, не приложив ни капли усилий. И то уже неплохо.

– Вы! – с порога завопила девушка, тыча в меня пальцем с обломанным ногтем. Омерзительного цвета зеленый лак уже сильно облупился. Гораздо сильнее, чтобы это было просто досадной случайностью.

По лицу Костика можно было понять, что для полного счастья моему коллеге по колдовскому ремеслу не хватает только попкорна.

– Я, – не стала отпираться ведьма, ожидая не менее захватывающего продолжения.

– Что вы с ним сделали? – подошла вплотную к моему столу Мария и явно примеривалась, чем бы в меня бросить. Тяжелых предметов рядом с собой я никогда не держала.

– С кем? – Я решила и дальше поиграть в дурочку, хотя прекрасно понимала, о чем, собственно, идет речь.

– Что вы с Максом сделали?! – противно, на одной ноте заорала клиентка. Кажется, стекла в окнах начали дребезжать от ее голоса.

Костя наклонился над клавиатурой, и его плечи мелко задрожали. Наверняка беззвучно ржет надо мной, татарин бессовестный.

– А кто такой Макс? – невинно уточнила я, продолжая маленький спектакль. Ко мне не первый раз являлись с такими претензиями.

– Макс – это тот парень, которого вы приворожили! Что вы с ним сотворили?! Он сам на себя не похож! Ходит как робот какой-то! Говорит только о том, какая я умная, красивая, замечательная и как он меня любит! Да у него едва слюна изо рта не капает, как у ребенка-дебила!

Колдун понемногу сползал под стол от тихого истерического смеха. Я еле сдерживала улыбку.

– А что вы хотели? – В моем голосе звучала усталость философа, утомленного попытками донести крохи истины до толпы.

– Он же должен был в меня влюбиться! – опешила от такой наглости Мария, даже понизив тон.

Тяжелый вздох вырвался из груди сам собой. Люди такие наивные, когда дело идет об их желаниях. Заплатил – получил, главное, чтобы денег хватало. Раз приворот – стало быть, непременно любовь до гроба. Вот только любовь не купишь. Даже у ведьмы. Особенно у ведьмы.

– Ничего подобного, – строго отвечала я, встав из-за стола. На своих шпильках я вышлась над нескладной невысокой Марией. – Я должна была приворожить к вам молодого человека – и он приворожен. Чего вы от меня хотите? Я просто выполнила свою работу, и выполнила ее хорошо.

Девушка смутилась от моего тона и пристыженно смолкла, чтобы через полминуты начать заново:

– Но он странный... И он меня не любит! Это же... как зависимость какая-то! Но приворот, он же должен был заставить его полюбить меня...

Костя посмеивался, уже даже не скрываясь. Маша обиженно надулась, но с молодым привлекательным мужчиной, разумеется, выяснять отношения не стала. Ему она явно хотела понравиться.

– Невозможно заставить полюбить, – наставительно изрекла я, строго глядя на клиентку. – Приворот дает именно зависимость. Он подавляет волю, заставляет желать быть рядом с конкретным человеком. Ничего больше.

Девушка, которая пыталась купить у меня счастье, теперь выглядела совершенно раздавленной и едва не плакала от расстройств.

– Но почему он... как идиот? – почти проскулила она. – Почему он такой... ненастоящий?

Настал мой звездный час. Теперь я снова могла с чистой совестью сказать клиентке кучу гадостей и послать по тому же адресу, что и раньше. В фитнес-клуб.

– Потому что вероятность того, что он мог бы действительно влюбиться в вас, равна нулю, – с убийственной мрачной честностью сообщила я студентке. – Чем меньше человек, к которому привораживаешь, приятен жертве колдовства... тем сильнее приходится подавлять волю... И если в вашем случае все настолько плохо, то можно сделать вывод: сам Макс на вас бы даже не взглянул.

Костя все так же хихикал. Мария ревела в три ручья. А я пошла заваривать чай с мятой. На троих.

Девушка глотала кипяток не морщась и, похоже, мечтала, чтобы в напитке оказался яд. Тяжело, когда все твои иллюзии рушатся на глазах.

Я всем видом выражала сочувствие, коллега – нескрываемое ехидство, но и то, и другое студентке было совершенно безразлично: она переживала свою маленькую огромную трагедию и крушение самых сокровенных надежд.

– Ничего не получится, да? – тихо спросила она то ли меня, то ли Костика, когда кружка была уже наполовину пуста.

– Не при помощи колдовства, – пожала плечами я, подлив ей еще чаю. – Магия... она в любви не помощница. И красоты она тоже не даст. Все равно все придется делать самой. Такова жизнь.

Девушка тяжело и безнадежно вздохнула и подняла на меня совершенно несчастные глаза. Большие, зеленые, с длинными темными ресницами.

– Диеты, спортзал и косметолог? Как вы говорили тогда? – убито спросила она.

– Диеты, спортзал и косметолог, – удовлетворенно подтвердила я. – Надежней всякой магии! Правда, потрудиться придется от души.

Мария провела по лицу рукой, будто стряхивая невидимую паутину, поднялась со стула и ушла прочь, не оглядываясь и не прощаясь.

– Что ж, – спокойно констатировала я, усаживаясь обратно в свое кресло и водружая ноги на стол, точь-в-точь как любил это делать сам Костя, – клиент окончательно и бесповоротно потерян. Теперь судьба нашего кондиционера зависит только от тебя, Костик. С милой, но некрасивой девушки Марии мы не получим больше ни копейки, так что твоя очередь работать. Будь мужчиной и обеспечь нас.

Парень вскочил на ноги, потянулся с видом первого кота на деревне и удовлетворенно заметил:

– Ну, дурочка эта нам деньги скоро опять принесет, ей ведь еще своего Макса отвороживать, так что не хорони наши надежды на кондиционер раньше времени.

Хм... Да. Вот об этом ни я, ни она под влиянием эмоций как-то не вспомнили. Хороший мальчик Макс, которого я присушила к дурнушке Маше за неплохие деньги. Он же так и будет ходить за ней с видом умственно отсталого и портить жизнь ей и себе. Но черта с два я сниму чары бесплатно. В следующий раз умней будет и не пойдет к ведьме решать проблемы.

– О! – довольно воскликнул Костик. – Я вижу огонек корысти в твоих ясных бесхитростных глазах!

– Нашел чему радоваться, – недовольно проворчала я, любовно проводя по листочкам подаренной орхидеи. Знал ведь, что придется по душе.

– Как можно не радоваться тому, что наш бизнес скоро пойдет в гору? – рассмеялся напарник, протягивая мне руку. – Идем, красавица, нам нужно отметить такие радужные перспективы!

Моему шоку не было предела, но свою руку Петрову я все-таки дала. Надо же, я думала, у нас еще с полгода будет для вялотекущих намеков и переглядываний.

– Костик, ты что, на свидание меня приглашаешь? – иронично поинтересовалась я. Вполне может быть, что сейчас он пойдет на попятную, поняв, насколько сильно влип.

Колдун глядел на меня чуть иронично, хитро сощурившись, ну точь-в-точь Соловей-разбойник из сказки: украдет, и не заметишь как. Разве что не свистит, не желая отпугивать деньги. Отказываться от своих слов он и не думал.

– А почему бы мне не пригласить на ужин молодую привлекательную ведьму? – лукаво протянул он, вытягивая меня из кресла. – Я хорошо тебя знаю и уверен, что все у тебя натуральное и после полуночи ты не превратишься в страшную замарашку. Так что могу безо всякой опаски за тобой поухаживать. Пошли, я знаю вполне приличный ресторан неподалеку.

Ну что я могу сказать? Не оставалось ничего другого, кроме как взять свою сумку и позволить увести себя из офиса.

– И только попробуй потом сказать, что каждый платит за себя, – тихо сказала я, когда Костик запирает двери офиса.

– Отличный план! – радостно воскликнул он и тут же мерзко захихикал.

Вот же змей подколотный... Впрочем, я ведь знала, с кем связывалась.

Карина Пьянкова В лесу водятся волки

Оборотень был здоровенный, с теленка. Огромная серая зверюга, точь-в-точь настоящий волк, разве что крупноват слегка да в глазах светятся почти человеческий разум, злость и нескрываемое веселье. Я налюбоваться не могла на его шкуру: мне бы ее на шубу – и не пришлось бы зябнуть, как сейчас, в старом, местами подлатанном кожухе.

Волк подходил ко мне неторопливо, широко позевывая, показывая во всей красе белоснежные острые клыки, мощные лапы... Я медленно отступала, стараясь не отрывать взгляда от лесной твари. Не хотелось упустить момент, когда оборотню надоеет насмешничать и он все-таки прыгнет. Плотный февральский снег, прихваченный морозом до толстой корки, похрустывал под сапогами. Только бы наст не провалился, иначе – смерть.

Волк клацнул челюстями. Я вздрогнула, испуганно вздохнула. Зверь будто бы ухмыльнулся. По крайней мере, выражение на морде было такое гадостное, что показалось, будто он надо мной издевается. Ну да. Зарвавшаяся магичка, оказавшаяся перед смертельно опасным противником с единственным несчастным кинжалом... Да и сил хватит только на одно простенькое заклинание. Окажись я на месте оборотня, тоже потешалась бы над такой растяпой.

– Р-р-р-р, – с ленцой протянул волк, переступая на месте.

Я мрачно посмотрела на него, прикидывая, есть ли смысл драпать... Никакого смысла не было. Шансы убежать от зверя по зимнему лесу равны даже не нулю, а отрицательному числу. Можно, конечно, попытаться залезть на дерево и дожидаться, пока магические силы восстановятся... Я покосилась в сторону ближайшего ствола. Волк проследил за моим взглядом и с откровенным скептицизмом выдал:

– Р-р-р-р-ра.

Ну да, черта с два я заберусь на корабельную сосну без левитации. И мы оба это прекрасно понимаем. Стало быть, скоро меня сожрут. Паршивая перспектива для не самого плохого мага в здешних местах. Одна беда – действительно хорошие маги в такой глухомани не задерживаются.

И вот зачем я только отправилась на эту княжью охоту? Понадобилась, видите ли, его светлости голова оборотня. Нечего над камином было повесить, медвежья башка – уже не то... А охота благородных – это торжественный выезд с егерями, сворой, разряженными дамами... Словом, с толпой народа, совершенно бесполезного, если речь идет об убийстве настоящего чудовища. Да так проще лешего словить, чем оборотня! Представляю, с каким выражением на поганой своей морде «дичь» издали наблюдала за возомнившими о себе невесть что охотничками. Ну и я тоже хороша, подвизалась к князю в свиту, подольститься захотелось, а то жалованье маленькое, подработок днем с огнем не сыщешь, даже дом толком с таким доходом не протопишь... Вот теперь-то, думала, точно дров накоплю...

Следы оборотня, замеченные княжьими егерями, шли по полю, а затем уводили в лес, где лошади не прошли бы. Тут бы собрать отряд из бывалых наемников и направиться в лес без обузы в виде любопытных вельмож, поискать логовище, поставить ловушки... Если бы да кабы... Несколько самых разумных, к которым не относился князь, повернули назад сразу, но большинство потопало по следу. И я с ними, посмеиваясь. Тут любому становилось ясно, что оборотня мы не загоним, а если натолкнемся, то совершенно случайно. На спящего.

Кто же знал, что сам оборотень решит поохотиться на глупых людей?

Зверюга выпрыгнула на нас из-за кустов. Огромная серая тварь, которая от неожиданности казалась больше раза в три. «Охотники» с воплями ужаса побежали в разные стороны. Ну... я тоже драпала дай боги каждому.

По всем правилам за мной не должны были погна́ться. Я молодая, шустрая, я какой-никакой, а маг, стало быть, доставлю больше проблем, чем отъевшийся вельможа. Но когда я остановилась отдышаться, то увидела преспокойно трусившего в мою сторону волка, который довольно ловко увернулся от боевого заклятия. И от второго. И от третьего.

На четвертом я поняла, что такой противник мне не по плечу, не настолько уж я и хорошо колдую. Самое печальное, оборотень тоже понял это, и на звериной морде расцвело выражение неопишемого злорадства...

– Я ядовитая, – мрачно сообщила я зверю. – Сожрешь меня – и сдохнешь в жутких муках.

– Р-р-раха-ха! – почти по-человечески рассмеялся он, сделав два медленных шага в мою сторону.

Ну все. Кажется, вот теперь на зуб решил попробовать... А я еще так молода... И вообще, я никогда не буду настолько старой, чтобы без сопротивления позволить себя сожрать.

Из последних сил я швырнула в клыкастую морду сгустком огня и что есть мочи припустила по лесу. Куда? Все равно куда – лишь бы подальше. Сзади раздался оскорбленный волчий рев. Мне тоже бы не понравилось, если бы мне морду – тьфу ты! – лицо подожгли... Плохо только, что у оборотней болевой порог низкий и регенерация отличная, минуты не пройдет – очухается и бросится в погоню. И вот тогда все будет очень плохо. Даже хуже, чем сейчас. Эти твари – они мстительные и изобретательные.

– У-а-а-а-у-у-у-у! – раздался сзади злорадный вой, который совершенно точно приближался. Очень быстро. Вой оборотня, преследующего добычу, ни с чем не перепутаешь. Один раз услышишь – до конца жизни в кошмарах сниться будет.

Я прибавила скорости, надеясь... непонятно, на что надеясь. На то, что налечу на отряд охотников. Очень большой. На то, что зверюга скончается на бегу от расстройства. На то, что у меня крылья прорежутся. Ноги понемногу начали заплетаться, легкие горели, как и перегруженные мышцы, сердце уже стучало где-то в районе горла, я то и дело проваливалась в снег по колено... Не побегаешь особо по зимнему лесу, если ты не на лыжах. Шансов на спасение нет никаких... Если не случится чуда, то до меня доберутся в течение пяти минут и сожрут. Если совсем не повезет, то заживо... Эх, говорила мне мама: «Кристина, не страдай ерундой, выходи замуж». И ведь права была! Сидела бы сейчас дома, мужа бы ждала как примерная супруга, вокруг бы дети ползали... И никаких голодных оборотней!

– У-у-у-у-у! – прозвучало совсем рядом, причем уже откуда-то справа. Отлично, кружить начинает. Понял, бесово отродье, что я теперь особо не побегаю, поиздевается напоследок – и убьет.

Из последних сил я бросила тело влево, не особо глядя под ноги... По закону подлости, именно в этой стороне и находился овраг, по склону которого я скатилась вниз, напоследок приложившись головой о поваленный ствол.

«Ну, хотя бы я не почувствую, как он меня загрызет», – даже с каким-то облегчением подумала я, теряя сознание.

* * *

Иногда в жизни случаются и приятные неожиданности. Например, то, что я очнулась, причем на вполне удобной и вроде бы чистой постели, – это совершенно точно приятная неожиданность. А то, что голова раскалывается, – так то сущие пустяки. Главное, что эта голова на месте.

– Живая? – раздалось откуда-то сбоку. Должно быть, это и есть мой герой... Ну прямо как в старинных легендах – прекрасная дама спасена от кровожадного монстра благородным воином.

Я со стоном повернула голову на звук и с огромным трудом сфокусировала взгляд на лице говорившего. Ну... Лицо как лицо, вполне себе приятной наружности молодой мужчина, русоволосый, статный. Вот только глаза у него были желтыми, звериными и будто светились в темноте.

В моей жизни не случается приятных неожиданностей. А прекрасная дама из такой тощей помоечной кошки не получится, как ни крути.

– Твою ж... – Я даже выругаться как следует не смогла, резко поднимаясь на постели. Тут же мне стало плохо, и я снова упала плашмя. Неслабо же приложились...

С чисто научным интересом отметила, что ожога на физиономии мужчины не наблюдается, стало быть, регенерация у него еще выше, чем принято считать в научных кругах. Интересный факт. Разве что вряд ли удастся им с кем-то поделиться.

– Лежи уж, бегунья, – насмешливо протянул оборотень, придавливая меня рукой к постели. – Отбегала свое.

Из последних сил подняла руку, демонстрируя зверюге неприличный жест.

Тот только расхохотался, причем так же, как и в зверином облике, с порывиванием в голосе.

– Что, решил приберечь на случай, когда на охоту лень идти будет? – мрачно спросила я, понимая, что вот теперь-то хуже уже точно некуда.

– Деликатес болящий, на холодец в голодный год сойдешь, – с издевкой отозвался волк, встав на ноги. – Делать мне больше нечего – жрать тебя. Вдруг еще дурость подцеплю.

Учитывая обстоятельства нашей первой... встречи, крыть мне было и нечем. И правда, дура, каких поискать. Но все равно обидно.

– Тогда какого черта ты меня притащил в свое логово? – не отставала я, пытаюсь понять, чего это такая мерзкая тварь вдруг стала добренькой, да еще и к тому, кто на нее охотился. А главное, чем мне эта доброта в конечном итоге аукнется.

– Исключительно чтобы поиздеваться напоследок. Смерть в лесу от переохлаждения показалась мне слишком легкой для такой бездарной колдуньи, как ты.

– Уж лучше так, чем быть сожранной!

Оборотень вздохнул, устало прикрыв глаза.

– Избавь уже меня от своих домыслов, горе-воительница. Я тебя жрать не собираюсь и не собирался.

Поверить в благие намерения незнакомца хотелось. Но как-то не получалось. Станет тварь, которая уже, по сведениям стражи, сожрала дюжину ни в чем не повинных людей, миловать того, кто действительно на нее охотился?

– Ну-ну. Это ты со мной так в лесу знакомился, – едко процедила я, прекрасно понимая, что нахожусь в полной власти того, кого при случае с огромным удовольствием бы убила. Безо всяких мук совести. Потому что это оборотень, хитрый зверь, который может притвориться человеком в любой момент. Чтобы потом загрызть ничего не подозревающую жертву.

– Ну а вдруг? – искривил он губы в саркастичной ухмылке. – Увидел вот симпатичную магичку среди охотников, решил узнать поближе.

Мгновение – и он уже склонился надо мной, по-звериному обнюхивая лицо, шею. Показались клыки, пугающие даже на человеческом лице. Увидев, насколько близко зубы зверя к моему горлу, я в панике заорала и изо всех сил оттолкнула его от себя. Тело колотило мелкой дрожью.

Волк только раскатисто рассмеялся, будто я сделала что-то ужасно глупое.

– Отдыхай, охотница. Послезавтра выведу тебя к городу.

Разумеется, удрала я на следующий день...

* * *

Дома меня ждал Леслав, старый боевой товарищ, с которым вместе прошли не одну заварушку и бессчетное количество раз прикрывали друг другу спину. Точнее, Леслав меня уже не ждал, методично собирая в предусмотрительно прихваченные сумки мое скромное имущество.

– Ты что это, вражина, делаешь? – с порога возмутилась я, видя это непотребство. Никто в здравом уме и твердой памяти не рискнул бы так заговаривать с первым головорезом на всю округу. Ростом Леслав был никак не меньше трех аршинов, широкоплечий, поджарый, будто и сам оборотень. Друг и на упыря мог пойти, и за головой местного лиходея отправиться, переходить такому парню дорогу откровенно опасались, стараясь без особой надобности не связываться... Вот только я ему приходилась названной сестрой, так что могла и не так костерить, если за дело. Да даже и если не за дело.

Приятель, услышав мой голос, выронил присвоенный скарб и медленно обернулся, причем пальцы правой руки Леслав сложил в отвращающий зло знак.

– Ты ли это, Крыська? – спросил он дрожащим голосом. Видеть побратима настолько перепуганным мне довелось впервые. Кажется, он посчитал, что к нему покойница явилась прямиком с того света.

За мои двадцать пять лет меня за кого только не принимали, но вот привидением посчитали в первый раз.

– Сейчас в лоб закачу, ворюга, так сразу прознаешь, я это или не я!

Слово у меня редко расходилось с делом, так что оплеуху друг получил быстро. И тут же уверился, что перед ним действительно названная сестра Кристина, которую он знает тысячу лет. Зато я все еще недоумевала, с чего это вдруг Леславу в голову пришла идея обчистить мой дом, раньше за ним такого не водилось.

– Так... я думал – все, заела тебя лесная тварина, ну и... раз уж тебе уже не пригодится. – Виновато развел руками. Руки все еще немного дрожали. Мало что могло напугать друга, но вот от призраков его просто колотило. – На той охоте треклятой – не иначе тебя на нее черти понесли! – троих недосчитались. Тебя, Любомира Вишневецкого и Юлека Шиманьского. Так тех двоих поутру нашли обглоданными почти что у самых городских ворот. Зверюга мало что сожрала, так еще и поглумилась, – мрачно поведал мне побратим, кривясь от одних только воспоминаний. – Я уж грешным делом ждал, когда и тебя так же к городским стенам подкинут... Все ведь видели, как тебя оборотень гнал.

– Гнал, – ошарашенно подтвердила я, прислонившись к косяку. Да уж, легко отделалась.

И вот интересно, а хватило бы у того волка, что заставил меня побегать по лесу, времени, чтобы еще и сожрать двух здоровенных мужиков? Жаль Юлека с Любомиром... Славные вояки были; пожалуй, из лучших, и того и другого прочили через пару лет на место княжьего воеводы, нынешний-то уже староват, хотя саблю держит крепко и наездник получше иных молодых. Вообще на диво хорошо воевода Чеслав сохранился для своих лет, я бы ему больше тридцати пяти в жизни не дала...

– И... чего? – напряженно спросил Леслав.

– Ну и догнал... – задумчиво ответила я. Нет. Не мог тот оборотень не только справиться так быстро с первыми воинами округи, но еще и притащить их тела к самым воротам. Времени бы не хватило. Вишневецкий и Шиманьский уж точно не дети, отпор бы дали такой, что мало не покажется, да у каждого из них с собой было по арбалету с серебряными болтами и по заговоренной сабле. Это вам не глупая магичка, которая решила, что одним кол-

довством управится, – знали, куда идут... Те двое врага наверняка бы и измотали, и серьезно потрепали, а зверь, что притащил меня в свой дом, выглядел вполне здоровым и бодрым. Да и стал бы людоед волочь человечью девку к себе в логово, да еще и беседы потом с ней вести? Нет... Не сходится.

– И как ты с ним справилась? – с нескрываемым уважением задал самый злободневный вопрос старый приятель.

Хотелось наплести с короб про свой ратный подвиг, в красках описать явленную доблесть. Но красивые враки сейчас были не к месту.

Поэтому я честно призналась:

– Да не справлялась я. Так, побегала по лесу, в овраг навернулась, головой хорошо приложилась... Наверняка околела бы за ночь, вот только волчара меня в сугробе не бросил. Притащил к себе в логово, дал отлежаться...

Леслав на меня глядел как на блаженную:

– И что, отпустил?

Я медленно сползла по косяку, усевшись прямо на пол. Было холодно, но ноги уже не держали, слишком сильно устала, да и струхнула, надо сказать, тоже изрядно... К тому же, встань я, все равно теплей не будет. Денег на дрова я так и не заработала... Или напроситься на постой к побратиму? У него дела в последнее время в гору идут, не бедствует, печь точно есть чем натопить.

– Ну, обещал завтра сам из леса вывести, только я не стала дожидаться. Мало ли. Он из дома – и я из дома.

Выражение лица у друга было таким, будто его только что поленом по голове огрели.

– Крыська, а ты теперь в полнолуние шерстью обрастать не будешь? – нервно осведомился он, оглядывая меня очень уж пристально, с подозрением. – А то мало ли... Придешь потом ночью за свежим мясом...

Я хмыкнула и клацнула зубами, как оборотень вчера. Рука Леслава машинально дернулась к мечу.

– Не бойся ты, не кусал меня никто. А... и, к слову, оборотничество при укусах не передается, хоть с головы до ног изгрызут.

* * *

Зверь тем временем разошелся, стал лютовать по-настоящему, с размахом, за ночь порой загрызая по три человека. Людишки в городе и окрестностях понемногу начали возмущаться. Народ у нас вообще-то тихий, незлобивый, но когда поблизости бродит кровавый монстр, любящий человечину, тут нужно быть святым, чтобы не обозлиться на правителя. Мужики, правда, и сами пробовали ходить на оборотня, вооружившись дрекольем и луками... но все больше такие герои не возвращались на своих ногах. Зато прекрасно возвращались на чужих четырех. Чудище исправно приволакивало останки своих жертв к городу. Жаль только, мне так и не довелось поближе посмотреть ни на тела (их сразу по обнаружении прибирал к рукам придворный маг князя), ни на следы чудовища, которые мгновенно затаптывали толпы любопытствующих. Но по тому, что увидеть мне все-таки удалось, складывалось впечатление, что покойников скорее грызли, чем ели...

– Повезло тебе, что твой лесной знакомец и тебя на тот свет не спровадил, – то и дело говорил Леслав, к которому я все-таки перебралась. Правда, только до конца зимы перебралась, а там нужно будет съехать... может, даже в другой город податься... или село. Где-нибудь же должно найтись прибыльное место для мага?

На слова друга я покладисто кивала, а сама думала о том, что лесная изба оборотня была построена никак не меньше пары лет назад. Да и здорового, чересчур умного для

просто животного зверя видели в окрестностях уже давно, даже детей им пугали, мол, придет серенький волчок и ухватит за бочок. И волчок приходил. Жутко выл за околицей сел, в совсем лютые зимы утаскивал овец. Хотя частенько крестьяне и сами привязывали на опушке скотинку какую поплоше: волк, если ему нужно, так и так возьмет, что хочет, поэтому лучше уж самим выбрать, что отдать ему на прокорм. Неприятно, конечно, но не велика беда. Словом, об оборотне знали давно и даже приноровились с ним жить так, чтобы не бояться ночью из деревни выходить, даже если напился до зеленых чертей. А люди пропадать начали совсем недавно... Что-то тут совсем не складывалось.

Спустя семь дней после злосчастного происшествия по городу пошел слух, что будет и другая охота. По всем правилам. Его светлость князь Радомил внял стенаниям своих людей и решил избавиться от злобной твари раз и навсегда. Леслав, недолго думая, подвязался в эту затею, уж больно прибыльной она казалась ему. Ну и я с ним, куда без меня? Деньги-то и правда немалые, да и расщедрился правитель – пообещал расплатиться, даже если оборотня мы не изловим. Вот только сперва я решила наведаться в лес. Ну да, я могла и не найти тот домишко в чаще, в котором побывала только единожды, к тому же подозреваю, хозяин мне не обрадуется... Но совестно было как-то не попробовать отвести беду от того, кто скорее всего ничего особо-то дурного и не делал.

В итоге я прихватила с собой связку амулетов, бутерброды на всякий случай и лыжи и рано утром двинулась к выходу из города, чтобы сделать очередную глупость, ну да мне не впервой. Побратим выловил меня у самых ворот, будто почуяв, что затеяла его непутевая названная сестра, и навязался следом. Хотя это напоминало скорее не чутье, а приступ ясно-видения, потому что явился он тоже с лыжами и полностью готовый для лесной прогулки. Я попыталась отбрыкаться от такой компании, неизвестно даже, как на меня, человека уже знакомого, отреагирует волк, что уж говорить о здоровом детине, который даже мне кажется небезопасным. Однако старый друг оказался прилипчивей репья, а в завершение спора так и вовсе пригрозил меня отволочь домой силком, а там связать, чтоб не шлялась где ни попадя.

В итоге только и оставалось, что озвучить свои намерения вслух:

– Я вроде как оборотня искать собираюсь.

Леслав не особо даже и удивился моим словам:

– Тогда я тебе точно не помешаю. Не на свидание же идешь.

Храни меня боги от таких свиданий...

* * *

По лесу мы бродили до сумерек, но ни оборотня, ни его дома так и не обнаружилось. Мой спутник уже начал говорить, что, мол, и не было никакой избушки, просто я головой хорошо ударилась, вот и померещилось все. Желудок Леслава бурчанием поддерживал хозяйина, а я уже и не знала, что думать... Может, действительно все мне только привиделось? Но в город-то я возвращалась уже своими ногами и чувствовала себя достаточно хорошо...

– Она есть, где-то дальше... Когда шла в город, солнце вставало за спиной... Значит, идти надо на восток... – бормотала я, упорно продолжая брести, наплевав на усталость. Вперед меня тянуло дурацкое чувство справедливости. То самое, что уже который год мешало нормально зарабатывать. Я почти наверняка знала: терроризирует округу кто-то другой, не зверь, которого задумал затравить князь. Что-то неправильное завелось в лесу. Причем недавно.

– Кристина, чего ради так мучиться? Ну даже и не съел тебя оборотень, не дал замерзнуть, так теперь ему за это в ножки кланяться и всячески защищать? – почище любого волка взвыл Леслав, когда его нос уже побелел.

Сама понимала, что оно того не стоит: не погонись за мной эта чертова зверюга, в овраг я никогда бы и не свалилась и спасать меня от смерти не нужно было бы... Но, с другой стороны, это же я отправилась в числе других охотников за его головой. Так что вроде бы и квиты.

– Вот только если я действительно права, то убьем мы не то существо. И люди перестанут бояться, расслабятся. А трупы снова будут появляться, а то и в большем количестве, – зло бросила я побратиму через плечо, продолжая двигаться вперед. Теперь уже из принципа. С детства была упрямницей: вели мне не делать – так в лепешку расшибусь, а наперекор пойду, даже если себе во вред.

Ответить на это наемнику было нечем, и он поплелся сзади молча, но очень выразительно сопел при этом.

Когда я уже сама отчаялась найти волчий дом и прокляла все на свете, ветер принес запах дыма, а потом, продравшись через кусты дикой малины, лишенные листьев, но не колючек, мы увидели и ту самую избушку, в которой я провалялась в беспамятстве несколько часов. В тот раз я и не разглядела ее толком, только отметила про себя, что домишко небольшой, но добротный, обихожженный, теперь же было заметно, что хозяин у избы рачительный и руки у него откуда надо растут. Наличники на окнах старые, но недавно их подновляли, крыльцо загляденье – досточка к досточке. Я сама выросла в селе и знала, что держать дом в порядке – дело нешуточное.

– А неплохо у нас нечисть живет, – ошарашенно произнес Леслав, присвистнув.

Хозяин появился на крыльце не больше чем через минуту в человеческом обличье. Пожалуй, встретить я его в городе – и не заметила бы. Хотя нет, заметила бы – на лицо он не то чтобы красавец, но присмотреться хочется, да и порода видна, другое дело, что порода волчья, да только с первого-то взгляда этого и не разберешь. Сейчас глаза у волка были обычные, без звериной желтизны. Парень и парень, ладный, крепкий... Разве только подозрительно: выскочил он на мороз в одной рубахе и холщовых портах, да к тому же и босиком, а держался так, будто на улице жаркое лето и никакого мороза в помине нет.

Он с подозрением смотрел на меня и с еще большим – на Леслава. Тот тоже хорош, вцепился в рукоять сабли так, что отнимать будешь – не отнимешь, разве что с рукой оторвешь.

– Ну, здравствуйте, гости дорогие, – с издевкой протянул лесной хозяин, настороженно зыркая исподлобья.

– И тебе не хворать, – в тон ответила я, не отводя взгляда.

Оборотень спустился с крыльца. Втянул носом воздух, огляделся и вперился в меня тяжелым взглядом. Стало не по себе, но я постаралась не подать виду.

– Зачем пожаловали?

– Ну, за головой вообще-то, – тут же ляпнул побратим. Всегда он так: сперва говорит – потом только думает.

Оборотень подобрался весь, будто перед прыжком, но, очевидно, решил выслушать мою версию, прежде чем броситься.

Я же сперва отвесила старому другу подзатыльник и только потом заговорила:

– Ну, голова нам без надобности, – вздохнула я, стараясь держать руки на виду: пусть зверь будет точно уверен, что я не готовлю для него никакой волшебной пакости. – Мы пришли предупредить, что через два дня будет охота. Настоящая. Пойдут только умелые наемники и как раз за твоей башкой. Так что лучше бы тебе убраться на время.

Волк по-звериному склонил голову набок, задумавшись.

– Ну и какой тебе прок меня предупреждать, горе-магичка? – с насмешкой протянул мужчина. – В прошлый раз удирала так, что пятки сверкали, даже попрощаться не изволила, а теперь решила мне об охоте рассказать. Что-то нескладно.

Ну да, прав. Нескладно, не поспоришь.

– Что не попрощалась, могу и извиниться, – мрачно отозвалась я, будто бы предлагала подпалить ему хвост, а не признать, что была неправа. – А предупредить решила, потому что знаю: не ты у нас так веселишься, что на кладбище уже хоронить негде. Ты нечисть, но большого вреда от тебя никогда не было, да и не стал бы ты изуродованные тела выставять напоказ.

Волк тихо, все с тем же припрыкиванием рассмеялся.

– Да ты еще и наивная, – припечатал меня он. Глаза мужчины плеснули золотом. – Но тут права, я не стал бы подбрасывать трупы к городским стенам, мне тут еще жить.

Кажется, оборотень мне верит. По крайней мере, не собирается на нас с Леславом нападать, хотя и держится с опаской. Но тут его понять можно.

– Так ты уйдешь из леса? – с надеждой спросила я.

– Вот еще, – мотнул головой волк, сложив руки на груди. – Тут мое логово! Что, мне теперь срываться с места, только потому что людишки решили на меня опять поохотиться? Не в первый раз. Пусть побегают, морозом их проберет – поумнеют. Не там они свое чудище ищут. В лесу таких монстров не найти.

Сказав это, зверь развернулся и скрылся в доме. Спину он подставил уже безо всякой опаски.

Вот и убили весь день, чтобы предупредить бедную, ни в чем не повинную животину. И благодарности ноль, и толку никакого.

Мы переглянулись с Леславом. Тот казался ужас каким недовольным, и, поди, до самого города будет мне выговаривать, что мерзли просто так.

– И чего на морозе стоите? – неожиданно выглянул из избы ее хозяин. – Проходите, нечего по лесу ночами шастать.

Я пожала плечами и пошла к дому, собираясь воспользоваться пусть и не очень радушным, но все же приглашением. Уже пришлось там побывать, и ничего страшного не случилось. Действительно, чего ради идти по морозу ночью через лес, если предложили переночевать в теплой избе? Ну и что, что живет в ней оборотень? Где наша не пропадала!

– Ты рехнулась, что ли? – попытался было остановить меня побратим. Я стряхнула его руку с плеча и вошла в волчье логово, краем глаза заметив, что замаявшийся сперва Леслав все-таки двинулся следом.

Волк сидел на лавке у жарко растопленной печи и довольно шурился.

– Ты... это... если будешь жрать кого, то лучше уж Крыську, она вкуснее, – с нервным смешком сказал нашему серому хозяину мой друг.

Оборотень широко зевнул и ответил:

– Делать мне нечего, самку есть. Они не для того задуманы. Да с тебя и мяса будет побольше.

Наемник с минуту пытался решить: то ли бояться, то ли веселиться. В итоге все-таки рассмеялся. Я пожала плечами и стянула с плеч толстый кожух, тоже подсаживаясь поближе к теплу. Оборотень умудрился даже скабрзность сказать так просто и естественно, что возмущаться ни капли не хотелось. Да и какая разница, что он, зверь лесной, будет обо мне говорить?

– А пожевать у тебя чего есть? – через некоторое время совсем забыл страх, а заодно и совесть Леслав, водрузившийся на лавку с таким видом, будто бы находился у себя дома.

Придремавший уже к тому времени волк открыл один глаз и сонно рыкнул на зарвавшегося человека, но никаким другим способом ставить на место гостя не стал. Я вздохнула и достала из сумки захваченные бутерброды. Все-таки пригодились.

– Хозяйственная, – с ноткой одобрения прокомментировал мою запасливость оборотень, с удовольствием втягивая носом запах ветчины. Пришлось нехотя делиться едой и с ним. Чтобы была вероятность самим не стать едой ночью.

– А что, присматриваешься? – тут же встрепенулся проглотивший свою долю приятель. Ненадолго ему хватило того бутерброда. – Ты смотри, она у нас девка с характером. Если свяжешься, потом взвоешь.

Я закашлялась.

Оборотень лениво откликнулся:

– Я и так вою.

Крыть было нечем.

* * *

Проснулась я на рассвете. Друг еще сопел в обе дырки на лавке, где ему постелили. Оборотень уже затапливал печь и изрядно шумел, но Леслав даже ухом не вел, хотя обычно мышь по полу пробежит – он и то подскакивает. Стало быть, нашему хозяину мой побратим доверял. Меня волк уложил на этот раз на печи и возражений слушать не пожелал, хотя занимать лучшее место в доме было мне ужасно неловко.

Я несколько минут, незамеченная, наблюдала за сноровистодвигающимся по избе зверем, а затем он поднял на меня глаза:

– Доброе утро.

– Доброе, – растерянно подтвердила я.

– Как спалось? – подошел поближе он, втягивая носом воздух.

Я села, спустив ноги вниз. После разморенного тепла постели сразу стало зябко.

– Хорошо. В тот раз тоже хорошо было.

– Вот и славно, – откликнулся он, стягивая меня на пол. – Буди своего братца и возвращайтесь.

Я кивнула и пошла было поднимать Леслава, но тут вспомнила, что забыла кое-что важное.

– Тебя как зовут-то? – спросила я оборотня. Надо было раньше поинтересоваться.

Он застыл и медленно обернулся ко мне. На его лице было выражение полного непонимания.

– Тебе зачем? – оторопело спросил он, кажется, не веря своим ушам.

– Ну как же... Дважды в твоём доме ночевала... Как можно не спросить имени хозяина? Тот покачал головой и будто бы нехотя ответил:

– Яношем зовут.

Самое обычное имя, таких Яношей в любой деревне с пяток наберется. А мне думалось, что у такого чудища лесного и прозвание должно быть каким-то особенным и на рык похожим.

– А меня Кристиной, – представилась я в свою очередь. – Его вот Леслав.

Оборотень просто кивнул и вышел из дома. Выглянув в окно, я увидела, как большой серый волк неторопливо трусит прочь, петляя между деревьями. Провожать лесной хозяин нас не собирался, да и проверять, не учудили ли мы чего опасного в его жилище, тоже.

* * *

На обратном пути Леслав был непривычно тих, даже рта лишний раз не открывал, и, только когда мы завидели каменную стену, что обводила город, побратим неожиданно произнес:

– Права ты была, Крыська, не он у нас бедокурит. Он, конечно, волк волком, сожрать кого хочешь может, но только он бы это сделал разве что с голоду, не стал бы над телами

измываться. Да и зима в этот год теплая, дичи хватает, оборотень вряд ли бедствует, на кой ему за людьми гоняться?

Говорил друг верно, тощим Янош точно не казался, с голоду не пухнет.

– Чего ты от него первый-то раз так улепетнула? Нормальный вроде парень, хоть и зверюга...

Я передернула плечами, вспоминая, как очнулась в волчьем доме в прошлый раз.

– Ну... он зубами к горлу потянулся, – нехотя призналась я. – Как тут не струхнуть?

Леслав расхохотался громко, раскатисто – поди, и в городе слышали.

– Ну так говорю же, зверюга. Ничего бы не сделал. Дала бы куснуть – он бы и успокоился. Вроде как признала, что он сильнее, больше и не требуется. Это же волк. С ним нельзя по-человечески.

От такой простой и понятной мысли, почему-то не пришедшей ко мне в голову, я сбилась с шага... и оказалась сидящей на заднице прямо в сугробе, чего со мной не случилось с самого детства, когда дед, первый на всю нашу округу охотник, учил егозу-внучку ходить по лесу. И он же, любимый мой дедушка, рассказывал о диких зверях, об их повадках, обычнованиях... А привелось встретиться с оборотнем – все забыла, да еще и судила о нем по меркам чудища из детских сказок.

Погонял он меня по лесу, а я, глупая, чуть ума не лишилась от ужаса. И отчего? От того, что мне зубы пару раз показали и порычали? Хотел бы убить – не церемонился бы. Правильно все Леслав говорит, зверь он, волк...

– Ты чего это, а? – опешил от моей неуклюжести побратим, помогая подняться. – Вот знал, что магия не доведет до добра, совсем обленилась, уже и на лыжи встать не можешь.

– Да так, вспомнилось кое-что, – вяло стала оправдываться, отряхиваясь от снега. Теперь я уже не знала, то ли плакать, то ли смеяться из-за своей догадки.

Город встретил нас очередными черными вестями: опять заели человека, на этот раз девочку еще совсем, шестнадцати не было. И как только чудовище исхитрилось до нее добраться? Сейчас никто в здравом уме носа из дома не кажет, не то что за околицу выходит... Я попыталась было добиться разрешения самой взглянуть на тело погибшей, но меня решительно завернули. Изучать останки позволялось только княжескому магу, остальные «шарлатаны» не допускались, причем по приказу воеводы, который лично следил за расследованиями и берег княжий покой. Добиться аудиенции у самого правителя не вышло – тот из-за подготовки к охоте никого не принимал.

Мы с другом, услышав все эти объяснения от стражников, недоуменно переглянулись. Все складывалось как будто нарочно, чтобы мы не смогли сообщить о невинности оборотня. А теперь я была совершенно уверена, что обнаруженные трупы – это не работа клыков Яноша, тот, по заверению побратима, всю ночь просопел на соседней лавке. А спал Леслав чутко, как охотничий пес, нипочем бы не пропустил ухода хозяина избушки.

Впрочем, на охоту мы так и так собирались идти, деньги лишними не бывают...

* * *

Возглавил травлю сам воевода, Чеслав Богданыч, возраст там или не возраст, а ни разу он не упускал случая показать удаль. Мол, куда там до него молодым, пусть еще угонятся. В этот раз он тоже не отошел в сторону и с самого утра бахвалился, что лично повесит голову чудища в трофейном зале князя. Я украдкой вздыхала и надеялась, что Янош достаточно умен, чтобы не попасться на охотничьи уловки. Леслав тоже не радовался ни возможной славе, ни будущим деньгам. Противно, поди, было...

Всего собралось людей с пару дюжин. Вооруженные, умелые наемники, они не развлекались шли, убивать, и убивать они умели хорошо. Не было ни одного лишнего человека.

Мы с побратимом плелись в самом конце, стараясь лишний раз не высовываться. Надо мной к тому же многие посмеивались, называли волчьей невестой, вроде как приглянулась я оборотню, раз одну меня не сожрал. Так и хотелось сказать, что как раз я-то действительно столкнулась с оборотнем, а с кем не посчастливилось встретиться остальным – только богам известно.

Вел нас через лес Чеслав Богданыч, и вел он уверенно к дому Яноша. Мы с Леславом плутали часа четыре – так еле вышли, а воевода нашел избушку в лесной чащобе с первой же попытки. И едва мы увидели домишко, как Чеслав Богданыч без малейшего сомнения сказал:

– Тут логово оборотня. Запалить надо гада!

Наемники недоуменно переглядывались. Дом как дом. Из трубы дымок идет. Ничего опасного или подозрительного не углядишь, ни снег кровью не запачкан, ни частокола с мертвыми головами. А что в лесу, так мало ли какая придурь у хозяина, не палить же его за это.

– Да с чего ты это взял, воевода? – недовольно проворчал Стефко Загребельный, потерявший глаз в бою. Мужик он был осторожный, основательный и на диво незлобивый. – Охотник тут живет, Яношем кличут. И сколько живет – никто ничего дурного про него сказать не может. Наоборот, сколько раз заплутавшую ребятню из лесу выводил.

К Стефко всегда прислушивались, прислушались и сейчас, да и никто не желал жечь невинного, воинская удача – она подлости не любит.

– Так оборотень хитер как черт, – настаивал на своем Чеслав Богданыч, прожигая злым взглядом наемника. – Дурит голову, человеком притворяется.

Снова тихо заспорили.

– А пусть даже и оборотень, – неожиданно подал голос Леслав, из которого прежде слово клещами вытягивали, – его у нас который год видят, а много ли с него было вреда? У нас еще с месяц назад детишек в лес без боязни отпускали. Что же, кого-то убивать только потому, что оборотень?

Воевода зло сверкнул глазами на моего побратима и ответил:

– Ты не потому ли заступаешься за оборотня, что он любовник твоей названной сестры? Я от шока даже закашлялась и посмотрела на мужчину, выпучив глаза.

– Оборотень ее к себе в дом таскал! – припечатал воин, вытаскивая из ножен саблю. – Поди, она и сама теперь оборотень, и побратим ее тварью стал.

Как воевода вызнал, с кем я была той ночью, когда Янош меня к себе забрал, я не понимала. Никому, кроме Леслава, я правды не говорила, все остальные знали только, что всю ночь от волка бегала.

Новость об изменениях в моей личной жизни произвела на наемников большое впечатление. Очень большое. Но на слово верить Чеславу Богданычу они не стали.

А я в свою очередь только спросила:

– А ты откуда знаешь, куда меня оборотень таскал? Не было же тебя на охоте, воевода. И донести тебе было некому, тогда люди кто куда бежали, никто бы за мной следить не стал.

Мужчина на мгновение растерялся, не найдясь с ответом. Вот так! Нужно думать, прежде чем обвинять других.

– А я тебе скажу, откуда он знает, – раздался от дома голос Яноша, насмешливый и спокойный. – От него человеческой кровью за версту тянет. Я тебя в дом тащил, глупую, чтобы не замерзла ненароком, а он по лесу за теми двумя дураками, упокой боги их души, шел.

Я обреченно зажмурилась. Ну зачем он только признался, что он волк? Так бы никто ничего не доказал, – и его бы не тронули, не посмели поднять руку на невинного. Зато теперь – могут и убить, если только заподозрят, что Янош может кинуться.

Оборотень стоял на крыльце в рубахе, штанах и сапогах и лениво шурился, глядя в упор на воеводу. И уверенностью в собственной правоте от Яноша разило за версту. А вот страха не было и в помине. Мне даже начало казаться, что он бы с легкостью разметал всех собравшихся по его душу и не заработал бы при этом ни царапины. Бред. Однако наемники поневоле задумались. Не только о том, что лесной хозяин может быть неповинен в убийствах, но и о том, а стоит ли вообще связываться с такой зверюгой? Может, лучше разойтись миром, пока все целы?

– Ты скажи, ведьма, есть такое заклятие, чтобы человека превращать в хищную тварь? – спокойно продолжил волк, не двигаясь с места и не выказывая никакой угрозы. – Здоровенную, черную, с плешивой шкурой, огромными клыками и когтями, зелеными глазами.

Описание было очень точным, как по учебнику. Я растеряно кивнула:

– Есть. Трансформирующее заклинание первого порядка... Оно дает такой эффект. Но маг должен быть очень сильным...

И мало кто рискнет использовать такие чары, потому что, если убьют превращенного – умрет и тот, кто накладывал заклинание.

– Да кого вы слушаете?! – возмутился Чеслав Богданыч, прожигая меня ненавидящим взглядом. – Нечисть и его девку?

У меня запылали щеки от обиды и злости. Леслав дернулся было защитить мою честь, но его удержали с увещеваниями два дюжих наемника. Правильно, что удержали, нельзя нападать на княжьего человека, так и в тюрьму угодить недолго или и того хуже – на виселицу. К тому же за мое доброе имя и так нашлось кому вступить.

– Это когда я только успел?.. – озадаченно протянул Янош, насмешливо разглядывая меня. – Девка, конечно, справная, но еще не моя.

Первым хохотнул Стефко, остальные тоже заржали как кони. Волк им нравился, этим воякам, да и, судя по шепоткам, многие с ним сталкивались и дурного ничего от лесного жителя не видели – ни в человеческом обличье, ни в зверином. Зря я боялась.

– Это же ты людей убиваешь, воевода, – выщерился Янош на противника. – Мне человека не по вкусу, да я и не стал бы себя так подставлять. А ты решил, раз живет в лесу оборотень – так можно на него все и свалить?

Глаза молодого мужчины плеснули звериным золотом, но он не двинулся, не стал нападать.

– Янош не убивал людей, – сказала в свою очередь и я. – В ту ночь, когда последний раз тело нашли, мы с Леславом всю ночь вместе с оборотнем в избушке провели. И Янош никуда не отлучался.

– Надо сказать князю, – решительно заявил седой как лунь Вацлав Белоголовый. Поседел он после того, как полез с компанией боевых товарищей в одно упокоище. Вышли оттуда не все, а кто выжил – ничего не рассказывали. Вацлава у нас всегда слушали. – Пусть князь решит, кого судить. А ты с нами пойдешь, нечисть.

– И не подумаю, – вскинулся Янош, показав клыки. – Один раз в город ваш зайдешь – уже не выйдешь. Надо будет – сами ко мне явитесь. Хоть с извинениями, хоть с вилами, бегать не буду.

Охотники с опаской переглядывались. С одной стороны, вроде как тварь хищная, оставлять ее вот так, без присмотра, не хотелось, с другой стороны – а вдруг и правда не виноват? А если напасть – он же наверняка станет защищаться и кого-то да положит. Справедливость для вояк была важна, но собственная шкура в итоге оказалась еще важнее, выходить против оборотня, не зная наверняка, кто убийца, никто не желал.

– Ну, тогда здесь жди, – смирился с наименее опасным для всех присутствующих вариантом Вацлав. Князь, конечно, по головке не погладит, но и на кол сажать тоже не станет. – Воевода разве что может попытаться, так не он у нас правит.

Чеслав Богданыч таким волком смотрел, что Янош, должно быть, удивился. Оборотень насмешливо шурился и, похоже, чувствовал себя хозяином не только этого леса, но и всей сложившейся ситуации.

– Труссы! – припечатал воевода собравшихся мужчин и, думаю, меня тоже. Затем старый вояка с саблей наголо кинулся на хозяина избы. Тот, не будь дураком, сиганул с крыльца, не дожидаясь, когда его зарубят, и уже с безопасного расстояния протянул:

– Сдавать начал.

Может быть, и не начал сдавать первый воин округи и правая рука князя, ведь за оборотнем что молодой, что старый нипочем не угонится. Потому и не ходят на эту нечисть в одиночку.

– Так и будешь бегать? – рявкнул воевода, тут же повернувшись к врагу. Очень быстро для человека, но оборотень все равно будет быстрее.

– Буду, – покладисто согласился Янош, ослабившись от уха до уха. – Нашел дурака, на княжьего воеводу нападать. Когтем не трону.

Свое слово оборотень держал не хуже людей, а то и лучше. И правда, когтем не тронул воеводу, уворачиваясь от ударов в последний момент, насмешничая, издеваясь. Янош играл с врагом, при этом сам вроде бы и не уставал. Он готов был так танцевать и день, и два...

Мужчины внимательно следили за таким редкостным зрелищем, как резвящийся оборотень. Превратись он в зверя, был бы похож на расшалившегося щенка, разве что слишком крупного. Я же смотрела больше не на Яноша, а на воеводу. На то, как постепенно сатанеет его взгляд, как мало-помалу сереет его кожа... И чем дальше, тем более довольной становилась ухмылка волка. Он оказался прав насчет Чеслава Богданыча, а еще он хорошо знал, как именно влияет на превращенного это заклятие. Нельзя стать зверем только внешне, нельзя же столько убивать людей и при этом самому остаться человеком.

Ярость заставит тебя стать тем, кем ты являешься на самом деле.

Я понимала, что будет дальше. Янош – тоже. Поэтому только мы не удивились, когда воевода начал меняться: долго, мучительно, корежа тело...

Волк нырнул в превращение легко и привычно, за пару мгновений перекинувшись в зверя, вывернулся из одежды, которая осталась лежать на снегу, и с интересом стал наблюдать, как человек, пришедший за его головой, становился чудовищем.

Охотники попятились. Кто-то зашептал молитву.

Оборотень был красив красотой здорового сильного зверя. Серый лоснящийся волк, под шкурой которого перекачиваются литые мускулы. Взгляд Яноша остался таким же, каким и был в человеческом обличье: насмешливый, спокойный и разумный, пусть и не людски разумный.

Воевода был страшен, как демон из ада. Огромный, плешивый, отдаленно похожий на собаку монстр с грязной, трупно-серой кожей, видневшейся в проплешинах на шкуре. Мощные челюсти чудовища наверняка могли дробить кости без малейших усилий. И совершенно пустые глаза. Он вызывал отвращение.

С оборотнем можно было договориться.

Зверя, в которого обратился воевода, можно было только убить.

И это поняли абсолютно все.

Янош встал передо мной, закрывая от возможной атаки, и зарычал глухо, предупреждая. Он пока не нападал, но демонстрировал готовность защищаться и защищать. Я с мрачным весельем подумала, что первый раз я могу почувствовать себя слабой, нуждающейся в защите девушкой. Одна беда, мой благородный воин оказался серым и обросшим шерстью.

Явившиеся к дому оборотня мужчины мялись, не зная, что делать. Убивать воеводу, пусть и в облике зверя, они не решались, но и быть с ним заодно никто не желал. Бежать –

тоже не выход, тем более что ни Шиманьскому, ни Вишневецкому унести ноги от чудовища не удалось, да и кто захочет труса праздновать.

Поэтому охотники стояли на месте, держа наготове сабли, вытасканные из ножен, и арбалеты, заряженные серебряными болтами... Стояли и ждали.

Чеслав Богданыч – боги, как же глупо называть такую тварь человеческим именем! – рывкнул и налетел на Яноша. Именно его он посчитал главным противником. Или же разум воеводы совсем затуманился, и он решил напасть на оборотня просто потому, что тот больше всех его злил. Звери клубком покатались по поляне, вздымая за собой вихри снега. Рык, поскуливание, визг слились в один пугающий до дрожи шум. В стороны летела выдрванная шерсть. На насте то и дело оставались следы крови.

– Победит воевода – надо бежать, – тихо сказала я Леславу, но слышали все. – В нем сейчас от человека и нет ничего. Убьет... Зачем ему свидетели?

Стефко подошел ближе, лицо его было белее снега. Он спросил:

– А если оборотень?

Я передернула плечами, не отрывая взгляда от грызущихся чудищ. Хотелось что-то сделать, помочь волку, да только я боялась промахнуться.

– Янош нас отпустит.

Потому что на кой мы ему, волку лесному, нужны?

Последний вопль – не понять, чей – прозвучал невероятно жутко. А потом все стихло. Оба противника остались неподвижно лежать на смятом окровавленном снегу. Но один еще дышал, пусть и слабо, из последних сил, и тихо, безнадежно поскуливал...

Он не верил, что люди станут ему помогать.

Я метнулась к Яношу, на ходу выплетая заклинание, затворяющее кровь. Услуга за услугу. Да и кто же будет выводить из чащобы заблудившихся детей, если не станет серого лесного хозяина?

– Леслав, помоги мне занести его в избу! – быстро велела я, чувствуя, как на глаза слезы наворачиваются. Ничего. Выходим. Все равно выходим.

Мешать нам с другом никто не стал. Да только посмели бы! Сама бы бросилась почище любого оборотня!

Голову лесного чудовища князь получил, но вешать в главном зале не решился, уж больно омерзительной оказалась добытая охотниками харя. Разместили ее в дальнем закутке среди самых жалких трофеев, чтобы лишний раз не попадалась на глаза. Человеческий вид не возвращался после смерти к превращенным в зверей колдовством. Никогда. Так что воеводу все еще ищут, причем многие из тех, кто выходил на охоту за людоедом.

Зачем Чеславу Богдановичу понадобилось убивать людей, да еще и так, чтобы обвинили местного оборотня, оставалось только гадать. Может, все дело было в его ближайших помощниках, которых он убил первыми. Все же их прочили на его место... Но кто знает точно?

Смерть придворного мага много кого удивила. Молодой и здоровый мужчина – а тут вдруг сердечный приступ. Однако больших кривотолков это происшествие не вызывало. На свете много чего случается. Я украдкой улыбалась, но помалкивала. Многие знания – многие печали. Все виновные свое уже получили.

От побратима я перебралась до конца зимы, и Леслав, пусть и пекся обо мне порой, как настоящий брат, не сказал ни слова поперек и даже порадовался, хотя готов был терпеть названную сестру у себя и дальше...

* * *

Я сидела на крыльце и вышивала ворот мужской рубахи, искоса поглядывая на детей. Старшая, кареглазая егоза, с увлечением перебирала ленты. Подрастет – будет той еще бедой для окрестных парней. Младшему пока было интересней гоняться за собственным хвостом, но я уже знала, что через пару-другую месяцев это пройдет и он начнет тянуться к обычным игрушкам.

Вышивка ложилась ровно, аккуратно. Руки, привычные к мечу, не сразу приноровились к тонкой женской работе, сперва выходила такая «красота» – хоть плачь, но не то что дурного слова, недовольного взгляда не было. Как и тогда, когда я, жуткая неумеха, в очередной раз ставила на стол пересоленную, а то и вовсе подгоревшую еду. Я сердилась на себя, в сердцах спрашивала, зачем он меня выбрал, раз в доме от такой жены одна разруха, а мне отвечали, что зачем выбрали – все получили, и успокаивающе обнимали. Наверное, таких терпеливых людей на свете нет.

Мама не могла нарадоваться ни на спокойного основательного зятя, ни на разом примирившую дочь, даже и не думавшую возвращаться на вольные колдовские хлеба, ни на здоровых, крепких внуков, которых пока нельзя было показывать чужим – дети без конца норовили обернуться.

А то, что живу я посреди леса и мужа моего человеком не назвать, все посчитали несущественной мелочью. Наверное, и правда, мелочь.

Лина Гордышевская Дракон для принцессы

«Принцессу надлежит выбирать очень тщательно. Она должна быть лицом красива, характером смиренна. Желательно, чтобы принцесса была помолвлена, а еще лучше – влюблена...»

Из «Справочника дракона»

Дракон размеренно махал сильными, покрытыми блестящей чешуей крыльями, и на морде его застыло несколько обескураженное выражение. Принцессе было лет шестнадцать на вид; она была, как и полагается, красива, обладала внушительной толпой поклонников благородных кровей, но вот ее поведение совсем не соответствовало тому, что рекомендовал «Справочник дракона» (часть первая «Справочник молодого дракона», подраздел первый «Принцессы», глава вторая «Кража принцесс»). Девушка отчаянно вырывалась и осыпала Дракона такими заковыристыми ругательствами, что бедняга, услышав первое из них, от обиды за своих предков, помянутых красавицей, чуть не разжал лапы. Потом, конечно, справился с собой, но все равно было обидно! Да и что делать в таких случаях, он не представлял совершенно. Костеря составителя справочника на чем свет стоит, Дракон начал снижение – впереди, совсем близко, уже виднелась его пещера.

– Ящер блохастый, башка безмозглая, результат инцеста, а ну немедленно отпусти меня, обезьяна летающая!

– Да почему обезьяна-то?! – взвыл Дракон, выгибая шею, чтобы посмотреть на свою нравную жертву. – Я не обезьяна, я дракон, разве не видно?!

– Обезьяна летающая, интеллектом явно не изуродованная, – вот кто ты! – заорала принцесса и попыталась плюнуть в морду похитителя. Плевков не долетел, но Дракон счел за благо отвернуться.

– Слушай, я одного не могу понять, – сказал он, совершив посадку и удерживая эту странную особу королевских кровей в своей гигантской лапе. – Как ты, при таком-то характере, умудрилась покорить сердца столь многих знатных юношей?

Принцесса презрительно фыркнула:

– При дворе я соблюдаю этикет! И еще я красива! Вот.

– Понятно, – вздохнул Дракон и на трех лапах поковылял в пещеру. Оставалось надеяться, что за принцессу очень быстро предложат кругленькую сумму, и тогда его последнее обязательство перед вступлением во взрослую жизнь будет выполнено.

* * *

«Чтобы вступить во взрослую жизнь, молодому дракону надлежит украсть принцессу и получить за нее как можно больший выкуп. Чем больше выкуп, тем выше будет статус дракона в общине...»

Из «Справочника дракона»

Дракон лежал, положив на голову мешок со льдом. Принцесса, скрестив руки на груди и метая глазами молнии, сидела у стены, к ней же и прикованная. Цепь, достаточной длины для того, чтобы принцесса могла немного походить по пещере, но недостаточной для того, чтобы она дошла до Дракона, соединялась с кожаным браслетом на руке жертвы похищения. Однако сам похититель был уже не рад, что выбор его пал именно на эту жертву. Освободители, самое раннее, появляться начнут только через три дня, однако наследница трона

успела довести несчастного ящера уже до такой степени, что тот всерьез подумывал о том, чтобы вернуть ее королю. Останавливало только то, что ни сам король, ни принцы, герцоги и иже с ними не ведали о том, что принцесса строптива и склонна к сквернословию, поэтому они рано или поздно явятся за ней, и с деньгами, а деньги драконы, как известно, любят больше всего на свете. И Дракон терпел, лелея надежду о скором – и весьма прибыльном – избавлении.

– Я есть хочу! – капризно протянула принцесса.

Дракон застонал, ощущая, как ее противный голос иголками впивается в его бедный мозг. И кто-то еще смел утверждать, что голос этой девицы – словно перезвон хрустальных колокольчиков! Наглые лгуны. Он непременно найдет их и съест. Даже несмотря на то, что не питается человечинной.

– Сейчас, – тяжело вздохнул Дракон, откладывая в сторону мешок и поднимаясь на лапы.

Вскоре перед принцессой стояла тарелка с копченым мясом и салатом.

– Что это? – спросила принцесса, особенно выделив последнее слово. – Я это есть не буду. – Жертва похищения сложила руки на груди и демонстративно отвернулась в сторону.

– Ну и сиди голодная! – взорвался Дракон и вихрем вымелся из пещеры. Послышался громкий рев, от которого вмиг поседели все находящиеся поблизости пушные животные, раздался треск падающих деревьев.

Дракон вернулся только под вечер и с удивлением обнаружил пустую тарелку.

– Что, проголодалась? – с издевкой спросил он.

– Я решила, что мне понадобятся силы, – с достоинством ответила принцесса.

– Ну-ну, – пробормотал Дракон, укладываясь спать. «Еще два дня, всего лишь два дня, всего лишь два дня... – уговаривал он себя. – Целых два дня!» – мысленно застонал Дракон, не справившись с собой. Спал он плохо. Ему снилось, что за ним гонится разъяренная принцесса, у которой вдруг тоже появились крылья. Потом принцесса медленно и методично скидывала в глубокую пропасть все его золото. Дракон скулил, умоляя о пощаде, но злобная тварь с ангельским личиком лишь ухмылялась, продолжая эту пытку. Дракон проснулся в холодном поту, но вид настоящей спящей принцессы все равно не смог помочь ему заснуть снова. «Два дня, – подумал несчастный ящер. – Матерь драконья, дай мне силы!»

* * *

«Не стоит соглашаться на первый же предложенный выкуп. Молодому дракону надлежит получить как можно больше предложений. Не скрывайте от освободителей, что их много, пусть соревнуются между собой в том, кто больше предложит. Когда определится победитель, заставьте его подписать договор с применением магии крови – тогда он уже никуда не денется, пока не выплатит всю указанную в договоре сумму...»

Из «Справочника дракона»

Дракон с нетерпением расхаживал у пещеры, нервно стуча по земле хвостом. Наружу вышла принцесса, которую ему пришлось освободить. Накануне жертва похищения кричала так громко, что никаких сил Драконовых уже не было терпеть, а в ответ на угрозу засунуть ей в рот кляп девушка сообщила, что проглотит его и задохнется назло похитителю. И взгляд у нее был при этом такой, что Дракон поверил: действительно сделает, с нее станется. И вот теперь принцесса стояла рядом с похитителем, все такая же гордая и несломленная.

– Идут, наконец-то! – воскликнул Дракон, первым благодаря острому зрению заправивший благородных освободителей. Радость его была столь велика, что он еле удержался от желания завилать хвостом.

– И кто у нас там? – протянула принцесса, разглядывая гостей в золотой бинокль, нашедшийся среди запасов Дракона. – Так, герцог Риналье... барон Мантильяк... маркиз де Мопасьон... граф Робистер... и о, наследный принц Дамиан Лантосский! И это все?! – возмущенно воскликнула девушка, упирая руки в бока.

– Действует ограничение, – поморщился Дракон, – не более пяти освободителей до полудня и не более пяти после. Итого не более десяти освободителей в день.

– А отменить? – Принцесса посмотрела на своего похитителя.

– Оно установлено старейшинами общины, отменить его могут только они.

– Все у вас не как у людей! – проворчала девушка, оправляя платье и готовясь к встрече с освободителями.

Вскоре Дракон и принцесса уже встречали первого из них – герцога Риналье.

– О принцесса, ваша несравненная красота...

– Сумма! – перебил его рык Дракона.

Герцог подпрыгнул и пропищал:

– Пять тысяч золотых дукатов и сундук с драгоценными камнями!

– Какими? – Ящер приблизил к нему морду.

– Рубинами, – прошептал вконец перепуганный Риналье.

– ЧТО?! – взревела принцесса. На этот раз подпрыгнул не только герцог, но и сам Дракон. – Какие-то жалкие пять тысяч золотых дукатов и сундук рубинов?! Так-то вы цените мою красоту?! Это несерьезно! Дракон, наподдай ему лапой, и чтобы больше я его не видела!

Ошеломленный Дракон пнул Риналье, и герцог, пролетев по широкой дуге, приземлился где-то в лесу.

– Следующий! – позвала принцесса.

Вечером совершенно уставший Дракон и все еще сердитая принцесса сидели над доской, где были записаны все предложенные благородными освободителями суммы.

– Я-то думала, они меня любят, а они... – расстроено сказала принцесса. – Да у этого Риналье свободных денег в десять раз больше, чем он предложил! Я это точно знаю, сама слышала!

– Не переживай, предложенная принцем сумма вполне ничего.

– Вот именно что «ничего»! Он мог предложить больше, это ему нужен брак со мной, а не мне с ним! Мужчины! – Принцесса в сердцах стукнула по доске. – Пойдем спать, Дракон, я ужасно разочарована. – И она, гордо подняв голову, скрылась в пещере. Дракон вздохнул и пошел за ней. Ее мнение относительно сегодняшних освободителей он полностью разделял.

* * *

«Обращаться с принцессой следует как можно строже. Чем она нежнее и смиреннее характером, тем хуже ей будет в пещере у дракона. Это поможет избежать самой большой неприятности, которая может случиться с молодым драконом, удерживающим принцессу...»

Из «Справочника дракона»

Следующие десять освободителей тоже не порадовали ни Дракона, ни тем более принцессу.

– Предложенная вами сумма смехотворна, граф! – отрезала она. – Я не желаю вас более видеть! И не забудьте на выходе оставить Дракону десять процентов за то, что мы с ним потратили на вас время. Следующий!

– Так все уже прошли, ваше высочество, – прошептал обескураженный граф.

– Как все?! Уже?! Ну ладно, – протянула девушка, – завтра продолжим. И вы что, оглохли? Разве не сказала я вам минуту назад, что не желаю более вас видеть?

– Д-да, ваше высочестве, сказали...

– Ну и?!

Граф поспешно ретировался. Слуги отсчитали десять процентов и передали мешок Дракону.

– Это ты здорово придумала – брать плату за посещение, – довольно сказал тот, взвешивая на лапе полученный мешок.

– Что бы ты без меня делал, – самодовольно хмыкнула принцесса, осторожно прислонив к стене выкупную доску. Отряхнув руки, она протянула: – Скучно как-то. Одни расстройств уже второй день. А во дворце завтра должен быть бал... – Она мечтательно улыбнулась. – Ты только представь, Дракон, я в золотом платье с такими летящими рукавами, ну знаешь, вот такими вот, – она попыталась руками изобразить фасон рукава, но быстро оставила это занятие. – Ну так вот, я в золотом платье и с диадемой в волосах. Я самая красивая, все смотрят только на меня, и я танцую. Танцую, восхищаю и покоряю, вот так, смотри. – Девушка, напевая, закружилась по поляне. Сделав несколько танцевальных фигур, она остановилась напротив Дракона. – Красиво?

– Красиво, – сказал он. – Очень.

– Вот! – Принцесса улыбнулась такой приятной, легкой улыбкой, что у Дракона дрогнуло сердце. – Но я не попаду на бал, – грустно продолжила она. – Да и скорее всего отец его отменил, ведь бал собирались устроить в мою честь.

– Прости... – протянул Дракон.

– Ничего, – утешила его принцесса, – королевство маленькое, за месяц все, кто хотят, предложат свой выкуп, а там выберем самый большой, и все закончится.

– Да, – согласно кивнул Дракон.

– Ну, пойдем спать, что ли. – Принцесса зевнула, изящно прикрыв ладошкой ротик.

* * *

Дракон разбудил ее рано утром:

– Просыпайся!

– Ну что там еще, – заныла девушка. – Отстань, я спать хочу! – И она попыталась перевернуться на другой бок.

– А я говорю, вставай! Сама же вчера жаловалась, что тебе скучно!

– А ты что, устроишь для меня бал? – спросила принцесса, зевая и потягиваясь.

– Нет, – на секунду замялся Дракон. – Но я покажу тебе кое-что просто замечательное! Уверен, тебе понравится.

– И что же это?

– Увидишь, – ухмыльнулся Дракон. – Давай вставай, надо уже вылетать.

Вскоре принцесса сидела на спине ящера, вцепившись в веревку, выполнявшую роль страховки.

– Не страшно? – прокричал Дракон.

– Нет! – ответила принцесса, стараясь, чтобы ее голос не дрожал.

– Скоро уже прилетим! – Он повернул голову к ней.

Принцесса хотела было кивнуть, но потом поняла, что он все равно не увидит в темноте раннего утра ее кивка, и лишь сильнее сжала веревку.

– Ну вот, – сказал Дракон, когда они через какое-то время приземлились. – Слезай. – Он расстелил на земле крыло.

Принцесса скатилась по крылу и на пошатывающихся ногах сделала несколько шагов вперед.

– Осторожней. – Дракон придержал ее лапой. – Мы на обрыве.

– И зачем мы сюда прилетели?

– Сейчас увидишь. Садись прямо там, где стоишь.

Принцесса послушно села.

– Пять... – начал отсчет Дракон, – четыре... три... два... один.

Сначала на горизонте появилась крохотная красная точка. Принцесса, подавшись вперед, смотрела на это чудо. Вскоре небо и земля уже были расколоты надвое тонкой красной чертой. Черта расплывалась, превращаясь в зыбкий прямоугольник, а небо окрашивалось всеми оттенками оранжевого, красного, желтого... Вот уже вместо прямоугольника на горизонте полукруг солнца. Принцесса затаила дыхание – она в жизни не видела подобной красоты. Ослепительно желтый круг медленно поднимался над землей, далекий и величественный. И в рассветную тишину ворвались звуки нового дня, оглушая своим многоголосием.

– Это прекрасно! – прошептала принцесса, смаргивая непрошеные слезы. – Я еще никогда не видела рассвет... Я не думала, что он такой!.. – Она посмотрела на Дракона взглядом, полным восхищения.

– Я рад, что тебе понравилось, – мягко проговорил он.

* * *

Они летели над горами, и принцесса заворуженно смотрела на проплывающие под ней зеленые полотна леса и голубые – воды. На верхушке одной из гор блеснул на солнце снег.

– Дракон, я хочу туда, где снег! – попросила девушка.

– Там слишком высоко для тебя. Ты замерзнешь, и у тебя закружится голова.

– Дракон, ну пожалуйста, я только хочу коснуться!

Взмахнув крыльями, Дракон изменил направление и стал подниматься выше. Теперь они летели прямо на гору, приближаясь к заснеженной вершине. Принцесса почувствовала легкое головокружение, как и говорил Дракон, но взяла себя в руки. Ящер пропорол лапами вечный снег, приземляясь, и подставил принцессе крыло. Девушка дрожала от холода, но ей было все равно, ей так хотелось коснуться этого невероятно белого снега, который никогда не таял. Снег обжигал почти нестерпимым холодом, но принцесса погрузила в него руку и, сжав пальцы, схватила небольшую горсть. Подняв руки, она смотрела на стремительно тающий снег, который стекал ручейками вниз по ее замерзшим пальцам.

– Это так здорово, – тихо сказала она. – Я такого никогда не испытывала.

Потом они еще посмотрели на гнездо горного орла и немного полежали у реки. Принцесса рассказывала Дракону о себе, своем детстве, каких-то забавных моментах. В ответ он щедро делился с ней своими воспоминаниями, и их веселый смех раздавался над рекой, отражаясь от скал.

Когда они вернулись обратно в пещеру, принцесса всю зевала.

– Поспи, Ариана, – ласково сказал Дракон, впервые назвав ее по имени. – До прихода очередных освободителей время еще есть. Я тоже прилягу.

– О, так ты знаешь мое имя. – Она снова зевнула. – А тебя, кстати, как зовут?

– Это неважно, спи, – проговорил он, вплетая в свой голос толику сонных чар.

– Ага, – зевнула принцесса, укладываясь рядом с Драконом. – Знаешь, это лучшее утро в моей жизни! – сказала она, прижимаясь к его боку. – Мне так хорошо с тобой...

Он ничего не ответил, лишь грустно улыбнулся. Он знал, что с ним происходило. И знал: ему придется сделать то, чего он уже не хочет. Но она просто принцесса, которая хорошо провела время, отвлекшись от привычной жизни во дворце, а он дракон, который в нее влюбился. И у него нет выбора.

* * *

«Если принцесса поцелует дракона, то он станет человеком. Однако этот процесс обратим; если дракон не назовет принцессе свое истинное имя, отвергая таким образом ее любовь, то он снова станет драконом. Если же назовет, то навсегда останется человеком...»

Из «Справочника дракона»

Несколько часов спустя принцесса вглядывалась в бинокль.

– Королевская карета? – обеспокоенно спросила она, разглядывая герб на передней стене. – Отец? Что он здесь делает? Король не должен был появиться, пока все желающие не предложат выкуп! Что происходит?

Дракон опустил голову:

– Я согласился на предложение наследного принца Карена Олланского.

– Ты что?.. – переспросила ошеломленная принцесса. – Но почему?..

– Так было надо, – тихо ответил Дракон.

Он ожидал криков, упреков, истерик, оскорблений и даже рукоприкладства, точнее, попыток рукоприкладства, но она молчала. Она просто молчала и смотрела на него. В ее глазах он увидел слезы и тут же отвел взгляд, не выдержав груза вины.

– Прости...

Она судорожно вздохнула, но взяла себя в руки. Он украдкой смотрел на ее плотно сжатые губы, на злые, но такие прекрасные глаза, на ее бледное и такое любимое лицо. Он не мог поступить иначе, он просто не мог.

До самого подъезда короля она не произнесла ни слова.

Принц подписал договор; свою подпись, выступая в роли третьей стороны, поставил и король. Договор вспыхнул красным и погас. С этой самой секунды он вступил в силу.

– Принцесса ваша, – сказал Дракон. – Я оставлю вас. Когда я вернусь, надеюсь, моя пещера снова будет принадлежать только мне. Выкуп оставьте около входа. – И он развернулся и не полетел, а побрел в сторону леса. Туда, где они с Арианой несколько часов назад встречали рассвет.

Королевская карета увозила принцессу прочь. По обеим ее сторонам ехали принц Олланский и король Альфред Шестнадцатый. Внезапно раздался грозный приказ Арианы:

– Остановить карету! Сейчас же!

Слуги не посмели ослушаться наследную принцессу, и девушка, выскочив из кареты, побежала обратно, не выпуская из поля зрения удаляющегося Дракона.

– Дракон, вернись! – кричала она на бегу. – Вернись, я все прощу! Дракон, миленький, стой!

Он замер, не смея поверить в услышанное. Через несколько минут запыхавшаяся принцесса, придерживая юбки, стояла перед ним.

– Я приняла решение: я остаюсь с тобой! – И она, встав на цыпочки, обхватила руками его огромную морду и поцеловала.

В следующую секунду Дракона охватило золотистое сияние, и оторопевшая принцесса обнаружила на его месте не менее оторопевшего молодого человека.

– О... – сдавленно произнесла принцесса, разглядывая его странный костюм из чешуи.

– О... – простонал Дракон, ощупывая свое человеческое тело. – Вот этого я тебе никогда не прощу!

– Правда?.. – дрогнувшим голосом, в котором уже слышались слезы, спросила она.

– Нет, конечно, нет! – рассмеялся Дракон, обнимая ее. – И меня зовут Арранар.

Сергей Жоголь Дымящая плоть

Введение

Кто-то подкинул в костер новую охапку. Огонь поначалу утих, точно спрятался под сухим хворостом, но вскоре ожил, разошелся и полыхнул так, что чуть не опалил ветви росших поблизости кустов. Одна из женщин пронзительно завизжала. Десятки голосов подхватили этот крик. Из темноты вышла другая, постарше. Опираясь на деревянную клюку, она приблизилась к костру, что-то пролепетала и бросила в огонь пригоршню серого порошка. Искры посыпались, пламя опалило волосы пожилой ведьмы, но она этого даже не заметила. Колдунья утробным голосом произнесла заклинание и принялась что-то гнусаво кричать на непонятном языке. Несколько стоявших поблизости женщин стали ей вторить. Ударили бубны, запищала свирель, музыка слилась с песней воющих ведьм, заглушив звуки ночного леса.

Ракель смотрела на происходящее, и руки ее дрожали. Оказавшись на этом празднике впервые, она волновалась. Лица, такие разные и необычные, мелькали со всех сторон: красивые и уродливые, гладкие и морщинистые, печальные и злые. Но во всех этих лицах было что-то общее, и вскоре Ракель поняла что: все они были заражены безумием! Луна, укрывшись за дымом костра, подрагивала.

– Ну что, красотка, время пришло, – прозвучал сиплый голос за спиной.

Ракель вздрогнула и обернулась.

– Не бойся. Я не кусаюсь, – хихикнула щербатая старуха с бородавкой на носу и вцепилась девушке в руку.

– Я не боюсь! – Ракель старалась выглядеть спокойной.

– Это хорошо. – Фурия оскалилась и облизнула сухие губы. – На, пей. Это добавит храбрости.

От появившейся перед лицом фляги, которую протягивала старуха, пахло пряностями. Ракель поморщилась, но поднесла сосуд к губам. Резкий запах ударил в нос.

– Что это?

– Пей, глупая. Тут не принято задавать вопросы. Скоро поймешь сама.

Ракель отхлебнула. Напиток оказался кисловатым, но вполне приятным на вкус. Старуха прижала флягу к губам Ракель, та сделала еще несколько глотков. Губы начали неметь, кровь быстрее побежала по жилам.

– Нравится? – Старуха хихикнула.

Голова закружилась. Ракель пошатнулась, но чьи-то цепкие руки подхватили ее и стали толкать к костру. Кто-то потянул за платье, материя затрещала, и девушка осталась без одежды.

– Танцуй! – закричала старуха.

– Танцуй! – повторил десяток голосов.

Удивительно, но собственная нагота не испугала Ракель. Восторженные крики придали сил. Она дернулась, покачнулась и начала кружиться. Тело не подчинялось разуму, им управлял пряный напиток из фляги, проникший в кровь. Ракель не заметила искр, упавших на ее ноги, – пламя, захлестнувшее ее изнутри, полыхало гораздо жарче. Ракель танцевала в бешеном ритме. Ее тело блестело подобно змеиному, извивалось и трепетало. Огромное существо с рогами появилось перед костром. Отвратительная козья морда смотрела на тан-

цующую красавицу и омерзительно скалилась. Но Ракель уже нельзя было напугать. Она хохотала, кричала, упиваясь своим бесовским танцем.

– Fumantem carnis!¹ – закричала Ракель.

– Fumantem carnis! – подхватил десяток голосов.

Ведьмы стонали от наслаждения. Шабаш продолжался.

¹ Fumantem carnis (лат.) – дымящая плоть.

Находка

Солнце село, и, несмотря на наступивший полумрак, лес как будто ожил. Легкий ветерок покачивал деревья, вековые стволы могучих сосен мирно поскрипывали. Птичье щебетание, которое недавно так радовало душу, прекратилось, и на смену ему пришло глухое уханье ночных сов. Где-то вдалеке послышался волчий вой. Буланный подернул ушами, захрапел, тревожно оглядываясь по сторонам.

– Ну чего ты? Не трусь. Я же с тобой. – Армандо нежно похлопал жеребца по шее и приподнялся в седле. – Похоже, нам пора на постой, а то скоро совсем стемнеет.

Ловко соскочив с коня, юноша отцепил притороченный к седлу тюк и бросил его на землю. Армандо знал, что привязывать Буланого не стоит. Верный конь, проверенный десятками походов и битв, и не подумает сбежать. Армандо выбрал место посуше, расстелил плащ и уселся под кустом. Кусок козьего сыра, хлеб и сильно разбавленное вино из фляги – вот и весь ужин для молодого путника. Буланный тоже не терялся. Он мирно пощипывал траву, хотя и был более привычен к овсу или ячменю. Ветер поутих, цикады умолкли, и в тишине Армандо расслышал новые звуки.

– Ручей? – Юноша вскочил на ноги и бросился в кусты. – В такой глуши? Это удача! Господь нас не оставляет!

За холмиком возле старой коряги Армандо обнаружил то, что искал. Ключ тонкой струйкой бил из-под земли, приятно радуя слух. Юноша выплеснул остатки вина и наполнил флягу водой. Буланный припал губами к воде, его довольное ржание порадовало Армандо.

– Теперь у нас есть все, что нужно для ночлега.

Новый звук заставил Армандо вздрогнуть. Юноша выхватил висящий на поясе кинжал и приготовился к худшему.

«Похоже на стон», – Армандо прислушался. Звуки, доносившиеся из кустов, повторились.

– Кто ты? Отзовись! – произнес юноша громко. Ответом ему была тишина. Тогда Армандо шагнул вперед и увидел ее.

Она лежала под кустом. Черные волосы непослушной копной спадали на грудь. Даже во тьме Армандо смог разглядеть бледность губ незнакомки. Веки опущены, рот плотно сжат, тело казалось расслабленным.

«Голая. Посреди леса? – Армандо приблизился и коснулся руки девушки, та даже не пошевелилась. – Если б спала, сейчас бы проснулась».

Таинственная незнакомка продолжала лежать с закрытыми глазами. Армандо потряс девушку за плечо, та застонала. Только сейчас юноша увидел ранки на ее теле.

«Ожоги. Что же с ней случилось?»

Красавица вновь застонала. Армандо сбегал за плащом, но, прежде чем укутать незнакомку, на мгновение замер. Он не смог удержаться, чтобы еще раз не полюбоваться юным телом.

«Fumantem carnis!» – произнесла бедняжка в бреду отчетливо и громко, но глаз так и не открыла.

Армандо поспешно укутал безжизненное тело плащом и бережно поднял с земли.

– Теперь нам придется искать другое пристанище. Не оставлять же ее здесь.

Буланный тряхнул головой и негромко заржал.

В деревне

Домик выглядел невзрачным и ветхим, как и все прочие в деревне. Армандо обнаружил поселение лишь под утро, проплутав по лесу всю ночь. Хозяйка, старая женщина с морщинистым лицом, отворила двери не сразу. Поначалу Армандо долго убеждал ее пустить их на постой, поясняя, что израненной девушке нужна помощь. Но и эти слова не разжалобили хозяйку. Лишь услышав, что путник готов заплатить, женщина нехотя открыла дверь.

– Не те у нас места, чтобы бродяг приваживать. Нехристи да разбойники кругом.

– Мы не причиним зла. Моей спутнице нужна помощь.

– Любовница твоя? – Старуха хитро прищурилась. – Клади на постель.

– Нет, что вы. – Щеки юноши зарумянились. – Я вижу ее впервые.

Улыбка хозяйки тут же исчезла. Взгляд стал подозрительным. Она подошла к столу, что-то с него взяла и спрятала за спиной. Армандо опустил безжизненное тело на мягкую постель.

– Я ищу отца Фабио, у меня к нему послание от епископа, а девушку я нашел в лесу, у ручья. Она была без сознания.

– Отец Фабио – достойный человек. – Хозяйка выпятила нижнюю губу. Было видно, что она немного расслабилась. – И что же надо епископу от Фабио?

– Не епископу, а мне. Я везу рекомендательные письма. Епископ – старый друг моего отца, он посылает меня к Фабио в услужение.

– Ах, вон оно что. – Волнение старухи и вовсе исчезло. – Тогда ты выбрал правильный путь, сынок. Люди Фабио занимаются праведными делами. Чистить нашу землю от скверны – дело благое.

Старуха не спеша опустилась на скрипучий табурет.

– *Fumantem carnis!*

Слова несчастной девушки произвели сильное впечатление на старуху. Пожилая хозяйка взвизгнула и вскочила на ноги, опрокинув табурет. Он с грохотом вылетел на середину комнаты. Армандо с удивлением посмотрел на нее. Она замерла, вытянув правую руку вперед, пальцы сжимали огромный нож, который старуха все это время прятала за спиной. Прикрывавший голову платок распахнулся, волосы растрепались, глаза неистово блестели.

– Ты лжец! Убирайся и уноси эту тварь! *Tabula Matres*² не место в моем доме!

Армандо попятился, невольно прикрыв собой лежащую без сознания девушку:

– Что случилось? Почему вы мне не верите?

– Я же сказала – убирайся. Ты не можешь быть другом епископа.

– Я не лгу вам! Поверьте! Не гоните нас!

Не ответив на вопрос Армандо, старуха посмотрела в окно.

– А впрочем, чего это я? – Она хитро улыбнулась. – Жди здесь и не думай уходить.

Сказав это, женщина попятилась в сторону двери. Видя, что Армандо неподвижен, она поспешно выбежала во двор.

– Скоро мы снова ощутим запах горячей плоти.

Эти слова старуха прошептала себе под нос, но молодой человек их услышал.

Через несколько минут Буланный с двумя седоками на спине быстрой рысью мчался по извилистой дороге, покидая маленькую деревушку. Когда с десятков селян, вооруженных вилами и топорами, ворвались в дом негостеприимной старухи, их ожидал лишь старый табурет, одиноко лежащий на полу посреди комнаты.

² *Tabula Matres* (лат.) – Совет Матерей.

Донья Пилар

Они преградили дорогу, встав цепью на пути. Армандо собрался придержать коня, но Буланый, увидев людей, и сам замер как вкопанный. Лиц тех, кто преградил дорогу, рассмотреть было нельзя. Они были скрыты капюшонами плащей, но Армандо понял: это женщины. Юноша потянул узду, желая объехать странное скопище, но Буланый стоял недвижим, словно злые чары приковали его к земле. Юноша отпустил поводья и, придержав тело незнакомки, соскочил с коня:

– Вы позволите нам проехать? Мы спешим. Моей спутнице нужна помощь.

Он чувствовал, что голос его дрожит, и это настораживало. Армандо – воин, прошедший множество сражений и битв, оробел перед кучкой разъяренных женщин. Одна из преградивших путь вышла вперед и откинула капюшон. Армандо вздрогнул, и не он один. Буланого было не узнать. Верный конь бил копытом, раздувал ноздри и хрипел. Глаза коня расширились, словно к ним поднесли раскаленный металлический вертел.

– Я донья Пилар, – произнесла предводительница женщин. – Возможно, ты слышал обо мне?

Армандо отрицательно замотал головой. Волосы говорившей напоминали просмоленную паклю. Тяжелые рубиновые серьги оттягивали уши настолько, что их мочки едва не касались плеч. Кривые зубы напоминали искореженные прутья металлической решетки, но больше всего пугали глаза, точнее один, так как вместо другого в глазницу ужасной старухи был вставлен желтоватый протез с высеченным на нем подобием зрачка.

– Значит, ты не из местных, – хмыкнула ведьма. – Здесь каждый слышал о донье Пилар.

– Да, я не здешний. Я солдат и еду к отцу Фабио, чтобы наняться на службу.

При этих словах фурия дернулась, а в рядах ее спутниц послышалось возмущенное шиканье. Армандо показалось, что он потревожил логово змей.

– Значит, ты не слышал о Tabula Matres. – Старуха скептически покачала головой.

– Эти слова мне знакомы. – Армандо немного осмелел. – Видимо, местный народец не особо жалуется ваше братство?

Толпа женщин снова осуждающе зашипела. Но предводительница ведьм лишь усмехнулась:

– Мы не братство. В Tabula Matres одни лишь женщины. Мы называем друг друга сестрами, и одна из нас сейчас лежит на луке твоего седла.

– Девушку не отдам!

Армандо сдвинул брови и положил руку на рукоять висящего на поясе кинжала, но это не напугало ни донью Пилар, ни ее спутниц.

– Если она так тебе дорога, что ты готов отдать за нее?

Армандо замешкался:

– А что ты хочешь?

– Жизнь!

Стоящие за спиной доньи Пилар ведьмы захихикали. Армандо рассердился:

– Ты не сможешь отнять ни девушку, ни мою жизнь!

– Зачем же сразу твою, давай начнем с него.

Женщина вытянула вперед руку и ткнула крючковатым пальцем в морду коня. Буланый жалобно заржал, его ноги подкосились, и он рухнул к ногам торжествующей ведьмы. Армандо едва успел выскочить из седла, придерживая безжизненное тело найденной девушки. Ведьмы, стоявшие за спиной Пилар, язвительно захохотали. Армандо упал на колени, притянул голову Буланого к груди. На губах коня выступила пена, зрачки застыли,

дыхание пропало – все свидетельствовало о том, что верный конь мертв. Глаза Армандо блеснули.

– Надо же. Мальчик раскис, увидав дохлую лошадь. Что же будет, когда мы займемся им самим?

Армандо вскочил, охваченный гневом:

– Я убью тебя, мерзкая тварь!

– Ну вот, другое дело! А то я уж подумала, что инквизитор Фабио берет на службу слизняков.

– Донья! Донья Пилар!

Вдалеке показалось облако пыли. Женщины принялись возбужденно кричать:

– Сюда скачут воины!

– У-у-у! – заревела предводительница Совета Матерей, сжав кулаки. – Люди Фабио, я это чувствую. Мы снова не совершим обряд. Бегите к лесу. Мы еще успеем скрыться.

Визжа и крича, перепуганные женщины бросились к лесу. Но сама Пилар задержалась. Отпихнув Армандо в сторону, она притянула к себе лежавшую без чувств девушку и прижала свои уста к ее губам.

– Просыпайся, негодница, я тебя отпускаю! Если бы ты не сбежала, *Hircus naribus*³ принял бы твою душу. А теперь тыполнишь ряды горячей плоти – *Fumantem carnis*!

После этого колдунья поковыляла к деревьям вслед за своими товарками. Армандо стоял пораженный и не мог пошевелиться. Он не заметил, как вооруженные до зубов всадники Фабио окружили его, потому что не мог оторвать взгляда от прекрасных глаз девушки.

³ *Hircus naribus* (лат.) – козлиная морда.

Инквизитор

В тесном сыром подвале воняло испражнениями и паленым мясом. Дневной свет, проникавший в помещение через маленькое окошко, еле-еле освещал лица людей. Когда Армандо, пригнувшись, вошел в пыточную, его глаза долго привыкали к темноте. В углу, у покрытой грибковой плесенью стены, сидел человек. Определить возраст мужчины было нельзя, так как лицо несчастного больше напоминало кровавую маску. В глаза бросались необычайно крупный крючковатый нос, по-видимому, не так давно потерявший свою первоначальную форму, и густые подпаленные брови. Нога страдальца была обута в пресловутый «испанский сапог»⁴, пальцы на руках представляли собой обгорелые культы. Армандо поморщился.

⁴ Испанский сапог – орудие пытки посредством сжатия коленного и голеностопного суставов, мышц и голени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.